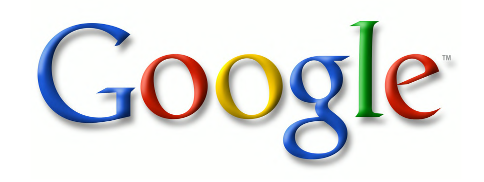
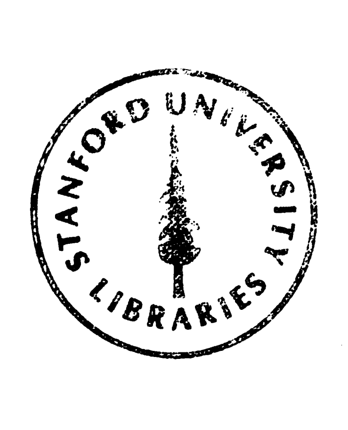
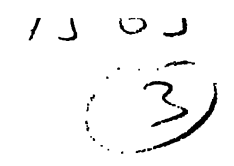

ЧУРЪ-ЧЕПУХА,

ИЛИ

НѢСКОЛЬКО ФАКТОВЪ

ИЗЪ ЖИЗНИ УКРАИНСКАГО ПАНСТВА.

Соч. Кирилла Тополи.

Изданіе Ивана Костякова.

КАЗАНЬ.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1844.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 1-го Апрѣля 1843 года.

Цензоръ В. Флеровъ.

ВСЕПОЧТЕННѢЙШАЯ ПУБЛИКА!

Послѣ піесы Чаръ, я представляю на благоусмотрѣніе Чепуху. Основаніе ее взято изъ самобытности предметовъ Украинскихъ. Не льщу себя надеждою, занять вниманіе этою піесою и получить отзывъ такой, какой о Чарахъ имѣлъ; потому что произшествіе въ Чепухѣ, какъ изъ названія и сущности значится, считалось и въ Украинѣ пустяками, или какъ Швабренко сказалъ: « Чепуха! »

Разговоръ и пѣсни я удержалъ, какъ въ самомъ дѣлѣ были, или не иначе могло быть въ народности дѣйствующихъ лицъ. Было произшествіе — и столкнулись въ немъ другіе факты, которыхъ я былъ почти очевидцемъ, живши на родинѣ. Конечно, время, уносящее съ собою всѣ дѣла и мысли человѣческія, да и самыхъ людей въ забытье,

много измѣнило мнѣ въ памятѣ. Ныньче не такъ происходитъ въ моемъ родномъ городѣ? Да и самъ городъ, какъ говорятъ, уже переименованъ изъ заштатнаго въ уѣздный? — Тогдажъ когда я былъ тамъ, Квартальный въ городѣ считался все и вся по исполнительности; а судная часть, находясь въ вѣденіи городовой Ратуши, гдѣ, по смиренству и простотѣ членовъ мѣщанъ, Секретарь былъ одножествень во власти съ Квартальнымъ. —

Если сверхъ ожиданія моего, и Чепуха въ Публикѣ поровняется съ Чарами, послѣ выхода которыхъ, меня приглашали писать—; то, имѣя въ тетрадяхъ и въ приготовленіи матеріалы, постараюсь позабавить еще разными сценами народности Малороссійской и Великороссійской, безъ претензіи на Авторитетъ.—

Всепочтеннѣйшая Публика!

Къ услугамъ.

Кириллъ Тополи.

ЧУРЪ-ЧЕПУХА.

Малороссійская загадка.

Бѣгла чичитка
  Изъ перелѣска:
Выйшовъ чечикъ,
  Кинувъ мечикъ.—

О Панство! Се въ лицедѣйствіи куништыки житія вашего! —

ХРОНОЛОГІЯ

ДѢЙСТВУЮЩИХЪ ЛИЦЪ.

Лица	Примѣрные лѣта.
РАХЛІЙ ДАНИЛОВИЧЪ ЮХИМОВСКІЙ, Секретарь городовой Ратуши и исправляющій должность Квартальнаго въ городѣ.	70
ФРАНЦЪ ВИКЕНТІЕВИЧЪ КОЛЛЕНЪ, Метръ Французскаго языка при Базилянскомъ училищѣ и другъ Юхимовскаго.	50
ГЛИКЕРІЯ АБРОСИМОВНА ТУПТАЛОВА, вдова покойнаго Квартальнаго Евстрата Павловича.	45
ВѢРА ПЕТРОВНА ГОРЕНКОВА, воспитанница покойнаго Квартальнаго.	16
АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ НЕВЕЛЬСКІЙ, Письмоводитель при Квартальномъ.	20
ДЕНИСЪ ДЕМЕНТІЕВИЧЪ ШВАБРЕНКО, Повитчикъ въ Ратушѣ и любимецъ Секретаря.	30
Канцелярскіе въ Ратушѣ: **ЕВТИХІЙ ПАПИЛИЧЪ ПАПУША.**	40
ДЕМЕНТІЙ ПРОКОФЬИЧЪ ШМАНАЙ.	35
КУЗЬМА ПИТЮЛЬКА.	19
ГАВРИЛО БАЛАБАШЪ.	25
ФЕДОРЪ ЦЮЦЮРА.	22
ВАСИЛІЙ СЕКСТЕРНСКІЙ.	20
Сторожа: **ГАРБУЗЪ, БРЮКВА** и **КОВШЪ.**	
ПАНЫ — ШЛЯХТА:	
ТЕОБАЛЬДЪ ШТАБЕЛЬ, старый холостякъ.	50
РОЗАЛІЯ ШНАПШИНСКАЯ, вдова и дальняя родственница Штабелю.	45
Дочь ея: Пани **ДОРОТЕА.**	25
ТОМАШЬ БЫЧИНСКІЙ.	55
КОРВИТА пани, жена его.	50
Дѣти ихъ: панна **ЛЮДВИГА.**	28
паничъ **ЯСЬ.**	26
ЛЕВЪ СВИНЦИЦКІЙ.	60
СИЛЬВІЯ пани, жена его.	50
Дѣти ихъ: паничъ **ВИЦЕНТІЙ.**	30
панна **ТЕРЕЗА.**	27

КОНРАДЪ ТШИМАВСКІЙ, вдовъ.	58
Дѣти его паничи: **БОНЕФАЦІЙ.**	28
КАЗИМИРЪ.	26
и **ЛЮДВИГЪ.**	24
ЯНЪ ЛЕВИЦКІЙ.	48
ЛЕОНТИНА пани, жена его.	45
Дѣти ихъ панны: **ЖАНЕТА.**	22
АГАТА.	20
ДОМНИКА ПЕТАВСКАЯ, вдова.	40
Дочь ея: **ВАРВАРА ПАВЛОВНА**, пріятельница Вѣры.	18
ЛЕВОНТІЙ ДАНИЛОВИЧЪ ЮХИМОВСКІЙ, братъ Секретаря и возный шляхетцкій.	45
ЛЮЦИЛЛА, жена его.	40
Дѣти ихъ (кромѣ другихъ): **ЛЕНАРІЙ.**	22
ЮЗЕФИНА.	20
ЧЛЕНЫ РАТУШИ:	
ФЕДОРЪ ЯКИМОВИЧЪ МЬЯМЛЕНКО, Бургомистръ.	48
МИНА ВАСИЛЬЕВИЧЪ МЯКИШЪ. } *Ратманы.*	37
МОШКО, съ жидовской стороны. } *Ратманы.*	50
ДЕМЕНТІЙ КУЗЬМИЧЪ МАРАКУЕНКО, Дума въ городѣ.	40
Мѣщане, гуляющіе въ Гершки съ членами: **ПИЖЪ.**	36
ЦАПЪ.	30
ГАПЛИКЪ.	38
ЛОБОДА.	35
ЧУПРУНЪ.	34
КОВИНЬКА.	40
ГЕРШКО ХАЙЛОВИЧЪ, факторъ и корчмаръ въ городѣ, съ своимъ семействомъ.	
МАРИНА, служанка Секретаря Юхимовскаго, дѣвка.	30
Прислуга Тупталовой:	
МАРУШКА, горничная.	18
ДОМАХА, женщина.	55
ОХРИМЪ, мужъ ея и дворникъ въ домѣ.	40
ЖИДОВСКАЯ МУЗЫКА, около десятка человѣкъ.	
РАЗНЫЕ ПРОСИТЕЛИ изъ мѣщанъ въ городѣ.—	

ФАКТЪ 1.

Происходитъ въ домѣ Рахлія Даниловича Пана Юхимовскаго.

ЯВЛЕНІЕ 1.

ПАНЪ ЮХИМОВСКІЙ.

Одинъ сидѣлъ въ свѣтлицѣ за столомъ и разсматривалъ бумаги. Послѣ чего, скинулъ очки, посчелкалъ по табакеркѣ и понюхалъ табачку.

Ачхи! . . . Deus pro nobis! . . . *Ачхи!* . . Vanitas vanitatis et omnia vanitas!. . . *Ачхи!* . . Суетенъ и многотрудный вѣкъ человѣческій!... А все для чего? . . . *(опять понюхалъ табачку.)* — Казусныя дѣла! . . — Швабрен-

ко калькулятивно пишетъ . . . . Совершенно по моей доктринаріи . . . Имѣетъ постигновеніе и въ кавичкахъ! . . . Да и вся моя канцелярія доскональпо наедукованна! . . *(понюхалъ табачку.)* Охъ, тенъ Невельскій! . . Да гдѣжъ онъ учился? . . Linguam latinam nihil dicere! . . Veto! — Не позволю грѣхопаденія въ письмоводствѣ! . . . *(началъ ходить по комнатѣ.)* — Развѣ моральность ничего не значиться? . . . *(Остановился у окошка, поглядѣлъ на окрестность и потомъ опять сталъ расхаживать.)* — O tempora! o mores! . . . — Понюхать контребуціи? . . . *(Остановился — и нюхаетъ табакъ.)* *Ачхи!* . . Да. . . Да. . . —

(Поетъ съ растановкой):

Распрекраснѣйшіи поля,
Вы плѣняете меня!
Тра — та — та — та — та.
Когда взоръ свой обращу,
Всѣ пріятности сыщу!
Тра — та и т. д.
Ненаглядный вашъ мнѣ цвѣтъ,
Даетъ старости привѣтъ!
Тра — та и т. д.

Но прекраснѣйше мнѣ васъ,
Естьли есть миленька въ насъ? . . .
Тра — та и т. д.

(Замолкъ. Потомъ посчелкалъ по табакеркѣ и понюхалъ табачку.) Ачхи! . . . Ачхи! . . Ачхи! . . . Не съ чемерицею ли? . . . Слѣдуетъ перемѣнить! . . . —

ЯВЛЕНІЕ 2.

Вхсдитъ въ горницу Францъ Викентіевичъ.

(толстый) МЕТРЪ КОЛЛЕНЪ.

Vivat Domine Юхимовскій! — Bon jour Пане! . . . Ухъ! —

ЮХИМОВСКІЙ.

Ago gratias Метру! Не такъ Панъ сказалъ: — Bonus vesper est! . . . . — Ежеминутно панъ Метръ толстѣетъ. . . . —

КОЛЛЕНЪ.

Моя мнока кушалъ . . . . . Ухъ! . . . — Quid quidem cantavit?

ЮХИМОВСКІЙ.

Amicissimum meum cantum! — Моего сочиненьица. . . . —

КОЛЛЕНЪ.

А мне кети нрафися, тахъ ессе:

(Поетъ)

Черезь рѣску хлопъ, хлопъ;
Нема мафо серцу:
Хлыцу, хлыцу — не шуе;
Нѣхай съ зяфломъ пошуе! —

ЮХИМОВСКІЙ.

Non, non пане Метръ! . . . — Ex gr. этая пѣсенька въ нашемъ городѣ спѣвается:

(Поетъ)

Черезъ рѣчку кладочка;
Нема мого сердечка:
Кличу, кличу — не чуе;
Съ кѣмъ бѣднее ночуе? —

КОЛЛЕНЪ.

Satis, satis bene mi Domine!—Кафорятъ: «спѣ-

фацъ дармо, полицъ гарло». — А шо Вашпанъ, кети безешь у пани Тупталовой?

ЮХИМОВСКІЙ.

Hodierno бывамъ. Досконально естъ miserrima et infelicissima vidua! *(Подходитъ къ дверямъ и кричитъ въ кухню.)* Марино, Марино! ходи лешень сюды!

КОЛЛЕНЪ.

Memini tuam operam! Вашпанъ habet causam . . . Тфой претентуеше на Фѣру; а мой, мой . . . . памянтамъ? . . . —

ЮХИМОВСКІЙ.

Ita, ita мосципане Метръ!

ЯВЛЕНІЕ 3.

Приходятъ въ горницу служанка Марина и Повытчикъ Денисъ Швабренко.

МАРИНА.

Що Паночку скажете?

ЮХИМОВСКІЙ.

Дай намъ Марино, що небудь выпить и закусить! Та скорѣйше!

(Марина стала приготовлять на столъ водку и закуску; а Швабренко, остановившись у порога, кланялся Секретарю съ ужимками подчиненности и кашлялъ.)

Що скажешъ пане Швабренку?

ШВАБРЕНКО.

Кахи—Ни чого Рахлій Даниловичъ!

ЮХИМОВСКІЙ.

Не значиться ли чого новенькаго? *(Расхаживая по комнатѣ. А Метръ Колленъ, между тѣмъ, посматривалъ на приготовляемую водку и закуску.)*

ШВАБРЕНКО.

Всѣ канцелярскіе въ благонадежной исправности. Невельскій кажетъ, що дѣло объ Штабелевой коровѣ, долженствуетъ находиться въ производствѣ у него? —

ЮХИМОВСКІЙ.

Скажи ему именемъ моимъ, що теперь Рахлій Даниловичъ Квартальнымъ; а не Евстратъ Павловичъ! . . . *(къ служанкѣ)* Марино, насыпь минѣ свѣженькаго табачку! — *(Къ Коллену)* Панъ Метръ, проша вудечки! — *(Наливаетъ самъ въ рюмку и потчиваетъ себя и Коллена.)* — «Минулась коту масляница — насталъ великій постъ! . . — Я свою канцелярію по лучше имѣю! . . . — Stupidus хлопъ!

КОЛЛЕНЪ. *(Выпилъ рюмку и закусывая):*

Моя самъ испыталемъ, якъ смерше клопъ! —

ШВАБРЕНКО.

Оказывается вечерами у пани Гликеріи Абросимовны. —

КОЛЛЕНЪ.

Quis? — Невельскій? . . . — Моя тамъ до ноши быфаетъ; а не высялемъ ефо. —

ЮХИМОВСКІЙ.

Nescis пане Метръ! — Невельскій имѣетъ

соизволеніе на панну Вѣру Петровну! . . . *(Въ это время служанка принесла табаку свѣжаго и подала Секретарю. Который посчелкалъ по табакеркѣ, попотчивалъ Коллена и Швабренка, да и самъ понюхалъ.) Ачхи, ачхи, ачхи!*

ШВАБРЕНКО.

Имѣю честь здравствовать Рахлій Даниловичъ! Ваша правда! —

КОЛЛЕНЪ. *(Нюхая табакъ:)*

А . . . . А! . . . . Моя тумалъ, шо тенъ штукъ . . . . . А, а, а, ухъ!

ЮХИМОВСКІЙ. *(Къ Швабренку:)*

Скажи Невольскому, що ту тъ благонадежнѣйши выды обрѣтаются и . . . и . . могущественнѣйша оказія. . . . .

ШВАБРЕНКО.

Слушаю Ваше приказаніе Рахлій Даниловичъ, и съ пунктуальною аккуратностію исполню Вашу милостивую резолюцію.—

ЮХИМОВСКІЙ.

Выпій Швабренко рюмку водки! *(Къ Колену.)* Пане Метръ — « Repetitia est mater studiorum » — проша!

(Пьютъ опять по рюмкѣ и потчиваютъ Швабренка.)

КОЛЛЕНЪ.

Мой ни кахта не откашися отъ ѣшъ, пей и феселись, «post mortem nulla voluptas» какъ мусье Эпикуръ скашалъ. —

ЮХИМОВСКІЙ.

Метръ пенькне знае философію. *(Къ Швабренку.)* А що, не находится ли дѣлъ, требующихъ скорѣйшаго исполненія?

ШВАБРЕНКО.

Завтрешній день табель. Не прикажетели Рахлій Даниловичъ буты канцелярскимъ на молебствіи?

ЮХИМОВСКІЙ.

Якъ же! безпремѣнно! пунктуально! —

(Къ служанкѣ). Чуешъ Марино! завтра табель: такъ приготовь минѣ кафтанъ праздничный, трехъуголку и шпагу!

МАРИНА.

Чую Паночку. Къ бабелю той каптанъ, що зъ ясными гузиками, и угловатый брыль; а шаблю не сказаты жъ Брюквѣ выясныть?

ЮХИМОВСКІЙ. *(Смѣется съКолленомъ и Швабренкомъ надъ произношеніемъ служанки.)*

Эге, эге Марино! *(Служанка ушла въ кладовую).* Повиновительная и услужливая дѣвка, даромъ що не эдукованнаго мужицкаго роду!—

ШВАБРЕНКО. *(Откликиваясь:)*

Не прикажите ли Рахлій Даниловичъ еще чего? *кахи, кахи!*

ЮХИМОВСКІЙ.

Зачекай! выпіемы еще вудечки!—*(Къ Коллену).* Проша пане Метръ! Проша Швабренку!

(При чемъ понюхали табачку, и стали пить и закусывать. Швабренко, какъ подчиненный

передъ Начальникомъ, съ ужимками наблюдалъ почтительность.)

ЯВЛЕНІЕ 4.

Отворяется дверь и являются по одиначкѣ паны—Шляхта: Теобальдъ Штабель, Томашъ Бычинскій, Левъ Свинцицкій, Конрадъ Тшимавскій и Янъ Левицкій. (Въ разговорѣ во всякого изъ нихъ свои привычки и недостатки).

ШТАБЕЛЪ. *(Заикивается).*

И—и—и—и—и падамъ до ногъ Ве—вельможный Се—секретаржу!

ЮХИМОВСКІЙ.

Проша, проша пане Штабелю!

БЫЧИНСКІЙ.

Мм—наше жице Вельможнему!

ЮХИМОВСКІЙ.

Дзенькуе пане Бычинскій!

СВИНЦИЦКІЙ.

Сс—съ Вацпаномъ Панъ Богъ!

ТШИМАВСКІЙ.

И пши—пши господѣ его!

ЮХИМОВСКІЙ.

Веле милосци Панове!

ЛЕВИЦКІЙ.

На вѣки вѣковъ!

ЮХИМОВСКІЙ.

Проша Панове, проша! Sedeates Domini!

(Шляхта поздоровавшись съ Колленомъ и съ Швабренкомъ поcѣли.)

Цо Панство добрего скаже?

ШТАБЕЛЬ.

И—и—и—нѣ—хъ А—ассанъ не взыще . .

БЫЧИНСКІЙ.

Мм—цо до Вельможнего безъ велькей претензіи пшишли.

ТШИМАВСКІЙ.

Наше дѣло тши—тшиматься за Ассана. . .

ЛЕВИЦКІЙ.

На вѣки вѣковъ! . . .

ШТАБЕЛЬ.

И—и—и—о—о пшепадлей муей коровѣ . .

СВИНЦИЦКІЙ.

Св—свелькего кошту на малый . . . . . .

ТШИМАВСКІЙ.

Не тшима нашихъ дѣтокъ! . . .

ЛЕВИЦКІЙ.

На вѣки вѣковъ.

БЫЧИНСКІЙ.

Млоды—глупи—мм—не безъ шалости!

ЮХИМОВСКІЙ.

А! Понимамъ Васъ Панство! Вы хочете доконтентовать позевъ? Но якъ же то можно Панове?—Юшъ дѣло пшиготовлено—и пойде

до Исправника, альбо до Пана Маршалка! . .
—Вудечки Панство! проша! . . . —

ШЛЯХТА. *(Кланяясь).*

Дзенькуе Вельможнему!

(Нѣкоторые изъ нихъ стали пить водку и закусывать; разговаривая особо то съ Колленомъ, то съ Швабренкомъ).

ШТАБЕЛЬ.

А—а—але то Вельможный Се—кретаржу: мо—я то бѣда, «цо съ—воза упадло, то—нѣхъ собѣ пше — пшепадло».

ТШИМАВСКІЙ.

Хто млодый не бывалъ, и грѣхи не тшималъ! мое дѣло тшимавское пш . . . —

ЮХИМОВСКІЙ.

Панове! Гжехи тшимаць, не барзо добже живаць!

ЛЕВИЦКІЙ.

На вѣки вѣковъ гоноровапъ . . —

БЫЧИНСКІЙ.

Мм — Моспане Секретаржу! кеди бѣда трафилася съ дѣтками нашими, то мм — мы Ассана поконтентуемъ: на пшикладъ, я даруе Вельможнему годовалаго и добрего бычка! (*Къ товарищамъ*) Вы Панове цо?

СВИНЦИЦКІЙ.

Сс – свинку добру.

ЛЕВИЦКІЙ.

На вѣки вѣковъ – млочну козу.

ТШИМАВСКІЙ.

Пш — пшимѣрно по Тшимавскій, мѣшокъ мучки петлеваной.

ШТАБЕЛЬ.

И — и — и пѣтуха — не — немлодего, и — и нестарего.

КОЛЛЕНЪ.

И то satis bene!

ЮХИМОВСКІЙ.

Дзенкуе Панамъ за веле милосци. Проша

Панове, запіемы могоричъ! (*Сталъ угощать Шляхтичей. А потомъ поручилъ Швабренку, принести къ нему дѣло о коровѣ и заняться полученіемъ подарковъ отъ Шляхтичей.*) Денисъ Дементіевичъ, завтра на гулянкахъ принесы дѣло о коровѣ пана Штабеля и доставь ко мнѣ пунктуально обѣщаньице Пановъ!

ШВАБРЕНКО.

Слушаю Рахлій Даниловичъ! (*Кланяясь и покашливая*). *Кахи*, Прикажете минѣ ити?

ЮХИМОВСКІЙ

Погоди! выпій еще рюмку!

ШВАБРЕНКО.

Много, *кахи*, милостію Вашею Рахлій Даниловичъ доволенъ. —

ЮХИМОВСКІЙ.

Rogamus Domine Метръ! проша Панове безъ амбиціи! . . . — Якъ же то Панство, мензе собо въ тенъ тяжбѣ поконтентовались?

ШТАБЕЛЬ.

И—и—и безъ абсолю—лютности. У мне есть род—ственица Доротея, ктура—не мае род—зицелевъ и—и—и сбирае бенке-ты съ —паничевъ и—и—и паннъ . . . , —

КОЛЛЕНЪ.

Ita est! — И муи dulcissimi малпфки пшепадло!

ЮХИМОВСКІЙ.

Доскональньо, цо и пчелки мои не минуе техъ рукъ. Но теди велькій чловѣкъ былесь у городу панъ Тупталовъ!

ТШИМАВСКІЙ.

Пш—пшекляты гультяи . . . —

ЛЕВИЦКІЙ.

На вѣки вѣковъ . . . —

БЫЧИНСКІЙ. *(Запѣлъ съ Сеницкимъ.)*

Рѣзавъ батько сою,
Рѣзала маты сою,
Рѣзали дѣти — ;

А вже сои пелѣтѣти!
Гей соя, гей!
Мм . . . Варивъ батько сою,
Варила маты сою,
Варили дѣти — ;
А вже сои пе лѣтѣти!
Гей соя, гей!
Вечеравъ батько сою,
Вечерала маты сою.
Вечерали дѣти — ;
А вже сои пе лѣтѣти!
Гей соя, гей! —

ЮХИМОВСКІЙ.

Досицъ Панове, досицъ!

ТШИМАВСКІЙ.

Пш — пшиберемъ къ ренкамъ гульвисовъ дятокъ—пшитшимаемъ! . . .

ЛЕВИЦКІЙ.

На вѣки вѣковъ!

ЮХИМОВСКІЙ.

Malum pacem, quod vestrum bellum! Quod vero amicissima vestra fiet jucundior!

ШТАБЕЛЬ. *(И прочіе.)*

И—и—и такъ Вельможный! Ассанъ велькой эрудиціи!

ЮХИМОВСКІЙ. *(Съ важностію понюхавъ табаку и попотчивавъ Коллена и прочихъ).*

Якъ Пана Бога кохамъ, цо техъ Тупталовыхъ тысонцы за поясъ заткнулъ бы се?

ШЛЯХТА.

То кольвекъ тего не знае! . . . Ассанъ въ кляшторѣ учился! . . . А унъ гздѣ? . . . — Москаль не веле, не мале . . . —

КОЛЛЕНЪ.

Ille mortuus est! Панъ Богъ съ нимъ!

ЮХИМОВСКІЙ. *(Со вздохомъ.)*

Pro mortui aut bene, aut male! — Але то я не злой чловѣкъ—добромъ помлацѣ покойнику . . . — Панове, проша еще вудечки! . . . . . — *(Подходитъ къ двери и зоветъ служанку)*. Марино, Марино! приготовь минѣ одѣваться! —

ШЛЯХТА. *(Выпили по рюмки и закусили, начали откланиваться Секретарю).*

Дзенькуе Ясневельможному за веле ласки и милости! *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ 5.

Въ это время принесла служанка сертукъ форменный.

МАРИНА.

Паночку! оцей надѣните жупанокъ?

ЮХИМОВСКІЙ.

Эге, эге! *(Сталъ одѣваться и прихорашиваться передъ зеркаломъ).*

КОЛЛЕНЪ.

Еще Dominus Юхимовскій млодешъ—млодшомъ кашише! .. – Tempus eandi Domine! .. —

ЮХИМОВСКІЙ.

Охъ! Vanitas vanitatis et omnia vanitas! Хвала Пану Богу, прожилемъ се съ покойницей Жа-

нетой тшидесьце лятъ! Дзисай еще пожіемы. . . . — Такъ Швабренку?

ШВАБРЕНКО.

Кахи! Якъ Вашей милости Рахлій Даниловичъ угодно! . . . . — *Кахи!* Прикаже ити минѣ? —

ЮХИМОВСКІЙ.

Выпій на дорошку! да не забудь похлопотать объ обѣщаніи Шляхетцкомъ!

ШВАБРЕНКО.

Слушаю Рахлій Даниловичъ! (*Выпилъ рюмку и откланялся Секретарю*).

(*Уходитъ.*)

КОЛЛЕНЪ.

Шозъ Domine? Eamus!

ЮХИМОВСКІЙ.

Тенъ часъ, тенъ часъ! . . . (*Къ служанкѣ.*) Марино! гляды, якъ мы выидемъ изъ дому; то убери въ свѣтлицѣ! (*Къ коллену*). Rogamus Domine Метръ на дорожку.

КОЛЛЕНЪ. *(Запѣлъ съ притоптованіемъ.)*

Не пій хоню фоти,
На піеше пифа;
Въ тамъ тей-то шторони,
Гдзѣ Панна Фродлифа!
Трамъ—тамъ—тамъ! 2.

ЮХИМОВСКІЙ.

Такъ естъ. такъ естъ! Барзо вродлива Панна Вьяра! — (*Нюхаетъ табакъ и потчиваетъ Коллена*). Затшимаемъ пане Метръ контрибуціи! . . . — *Ачхи*! . . . — Барзо слична! . . . . — *Ачхи*! . . . — Domine Метръ! bibemus на дорожку!

КОЛЛЕНЪ.

Valde bene! (*чокаются рюмками съ водкою и пьютъ*). Хозьмо пане Юхимовскій!

ЮХИМОВСКІЙ.

Хозьмо, Хозьмо Мусье Колленъ! (*къ служанкѣ*). Гляди жъ Марино дома!

МАРИНА.

А якъ хто пріиде,-то якъ сказаты Панючку?

ЮХИМОВСКІЙ.

Ну, скажи, що пана нема дома!

МАРИНО.

Чую Паночку! А . . : а? . . . —

ЮХИМОВСКІЙ.

Гляды господы! — *(Къ Коллену)*. Хозьмо Мусье Метръ! —

(собрались и уходятъ).

(При чемъ у дверей Юхимовскій запѣлъ съ Колленомъ).

Распрекраснѣйши поля,
Вы плѣняете меня!
Тра—та и проч.

(А служанка, проводивши хозяина и Метра за двери, стала убирать въ покояхъ.—)

ФАКТЪ 2.

Этотъ фактъ происходитъ въ домѣ вдовы бывшаго Квартальнаго Евстрата Павловича Тупталова.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Было утро. Въ гостиной за пяльцами сидѣла у окошка воспитанница Тупталова, Вѣра Петровна Горенкова. Подлѣ другаго окошка штопала чулки вдова Тупталова, Гликерія Абросимовна.

ПАНИ ТУПТАЛОВА. *(Пѣла про себя.)*

Ты погибель мою встроилъ,
Тѣмъ доволенъ злой тиранъ;
Что лишилъ меня покою,
Совершилъ свой злой обманъ. 2.

Я виновна, что сказала
Рано о любви своей,
Рано слабость показала
Не знавъ вѣрности твоей. 2.

(Подъ конецъ сего пункта слышенъ звонъ колоколовъ.)

Какой нынче праздникъ? . . . — *(Зоветъ горничную.)* Марушко, Марушко? *(Входитъ горничная.)*

МАРУШКА.

Чего изволите Пани!

ТУПТАЛОВА.

Ты дѣла своего и не знаешъ. Что ты пыль съ мебели не постыраешъ? Какой нынче праздникъ?

МАРУШКА.

Домаха чула на базарѣ, що сего дня Царскій день. — *(Взяла полотенце и начала вытирать мебель и окошки.)*

ТУПТАЛОВА.

А. . . а! . . Такъ вотъ какъ? . . — Еслибъ

былъ живъ Евстратъ Павловичъ, другоебъ дѣло было —: пришлибъ съ поздравленіемъ Члены и Служащіе!. . . А теперича? . . — *(Вздохнула.)* Охъ! жизнь сиротская! . . . — *(Къ воспитанницѣ.)* Вѣрочка! Долго ли ты будешь упрямиться и капризничать? —

ВѢРА.

Какъ же я маминька капризничаю?

ТУПТАЛОВА.

Какъ бачь она капризничаетъ? — Рахлій Даниловичъ дѣлаетъ ей честь, а она дура и не глядитъ. Да знаешь ли ты? . . . . Имѣй онъ резонабельныя виды на панну Бычинскую, али Свинцицкую, али на любую Панну въ городѣ; онѣ бъ не упустилибъ эвтого.... Шутка буты Секретаршею! . . .. Въ почетѣ и уваженіи отъ всѣхъ въ городѣ! . . . —

ВѢРА.

Когда Вамъ кажется это—; такъ ему лучшебъ Вамъ маминька сдѣлать предложеніе . . . —

ТУПТАЛОВА.

Глупая ты!... Не понимаешь ничего!... *(Помолчавъ не много, со вдохомъ запѣла про себя.)*

Ахъ, ушли мои лѣта,
Какъ выхорь съ круга, съ слѣда;
bis. {Только во снѣ мнѣ здалося,
{Какъ на свѣтѣ прожилося!

МАРУШКА.

Чы прикажете Пани выгладить платье?

ТУПТАЛОВА. *(Въ сердцахъ:)*

А ты ище и не гладила? . . . — Ахъ ты негодница! . . . — Что жъ ты робила цѣлый ранокъ? . . . — Ну, если кто не будь зайдеть! . . . — Чтобъ сей часъ было готово. . . . — Слышишь! —

(Горничная уходитъ.)

(Къ воспитанницѣ.) А ты Вѣра чего глядишь за бестіями? А! . . . — Еще бачъ и амбичитца передъ Рахліемъ Даниловичемъ!... и противъ городскихъ Панiъ! . . . —

ВѢРА.

Какъ же я противъ ихъ амбичусь? . . . — А что онѣ мнѣ не подъ пару; такъ право маминька, я невиновата: — имъ слишкомъ — годовъ. . . А мнѣ только 16–ть. —

ТУПТАЛОВА.

Да наплевать на твоихъ 16–ть лѣтъ. Ты што? — Сирота; а онѣ имѣютъ состояніе и родителей статечныхъ Шляхтичей. —

ВѢРА. *(Сквозь слезы:)*

То–то и горе мое! Еслибъ живъ былъ тятинька, ябъ и не глядѣла на этого гадкаго горбуна старичишку! . . . — Отъ него такъ и пахнетъ нюхательнымъ табакомъ, какъ отъ жидовской табачной лавочки. А заговоритъ — все какою-то Лацинщиною, что его никто и не понимаетъ. . . . . Да и самъ себя онъ не разберетъ. . . . —

ТУПТАЛОВА.

Молчать! — Умна слишкомъ. Дѣвчонкѣ и неслѣдъ знать такъ много. Слышишь! —

ВѢРА.

Чѣмъ же я такъ умствую? — Я только то говорю, что бывало часто говоритъ и тятинька.

ТУПТАЛОВА.

Отвяжись ты съ своимъ тятинькой! Нѣтъ чего сказывать, умница былъ. Жилъ въ городѣ слишкомъ 10-ть лѣтъ–, а что пріобрѣлъ? Еслибъ не я—, такъ небыло бы чѣмъ и помянуть.

ВѢРА.

Грѣхъ Вамъ, маминька, поминать такъ покойника! Что жъ дѣлать, что лишняго Вы маминька богатства не имѣете. Вѣрно, чего нельзя, того нельзя. За то по немъ и Васъ, маминька, поважаютъ!

ТУПТАЛОВА.

Да што такъ умничаешь? Много ты знаешь. Гдѣжъ мнѣ имѣть такой достатокъ, какъ Рахлій Даниловичъ? Единственный человѣкъ! Умѣлъ нажить себѣ достатокъ и при Секретарской должности; а што, какъ бы онъ былъ на мѣстѣ покойника — не тобъ бы—

ло! . . . . — Отъ того, что дѣловой . . . . Ктобъ 30-ть лѣтъ былъ Секретаремъ?

ВѢРА.

И обманывалъ своею ученостію Бурмистровъ и Ратмановъ, и не поплачивалсябъ съ Губернскимъ Правленіемъ. . . —

ТУПТАЛОВА.

Да гдѣ ты набралась такихъ мудрощей?— Чай сорванецъ Невельскій натолковалъ? А! Безстыдница, меньше бы ты говорила? Диковинка, яйца больше куръ знаютъ.

ВѢРА.

Я то говорю, что и люди. Богъ знаетъ, на что Вы, маминька, сердитесь. Невельскій конечно бѣдный человѣкъ, какъ и я. —

ТУПТАЛОВА.

Много васъ годованцевъ за чужимъ хлѣбомъ умѣютъ толковать. . . . — Былибъ рады, что ихъ. . . . —

ВѢРА.

Кажется маминька, Вамъ Невельскій не обтопталъ пороговъ? Такъ — такъ, какъ мусье Метръ Колленъ? . . . —

ТУПТАЛОВА. *(Вскочила съ злостью съ мѣста и бѣгая по комнатѣ:)*

— Ахъ ты безстыдная дѣвчонка! — Не благодарная! . . . Да знаешь ли ты, што я могу тебя выгнать изъ дому? . . . А! . . . А? . . . — *(Уходитъ)* — Инъ бишь, согрѣй змѣю за пазухою. . . . —

(Слышенъ шумъ въ кухнѣ.)

ЯВЛЕНІЕ 2.

ВѢРА. *(Осталась одна и плачетъ:)*

— Боже мой, Боже мой милостивый! — Несчастье быть сиротою! — А еще несчастнѣе кормиться чужимъ хлѣбомъ! — Того и гляди, что вытолкаютъ вонъ изъ дому, какъ не кстати что-либо скажешь. . . *(Ути-*

раетъ слезы платкомъ.) Правда, этогобъ не было, еслибъ жилъ Евстратъ Павловичъ? — Вѣрно такъ Богу угодно, чтобъ все горе и несчастіе испытать мнѣ бѣдной. — Ахъ, Боже мой! Что я? . . . Кто я? . . . Не подкидышь ли? — Чтобъ подъ чужими воротами уличать грѣхи родителей. . . . . Не могу придумать. — Для чего меня взялъ къ себѣ Евстратъ Павловичъ? . . . . . — И гдѣ онъ меня взялъ? — Тяжело не знать ничего о себѣ. — Правда, грѣхъ жаловаться на покойника. Онъ любилъ меня, какъ родной отецъ... Говорилъ, что зналъ моихъ родителей. . . — Но кто они? — Гдѣ они? . . . — Ахъ маминька, маминька! — Въ мои лѣта — и быть безъ призору. . . — Что со мной будетъ? — Этотъ еще старичишка . . . . . — Могу ли быть ему женою? — Впору мнѣ быть у его внучкой? . . . — Его только не доставало. . . — Ахъ люди, люди! — Рано вы мнѣ даете себя знать! . . . —

(Плачетъ, облокотившись на пяльцы.)

ЯВЛЕНІЕ 3.

Въ эту пору входитъ Александръ Ивановичъ

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Здравствуйте Вѣра Петровна!

ВѢРА. *(Утирая слезы.)*

А, здравствуете Александръ Ивановичъ.

НЕВЕЛЬСКІЙ. *(Подходитъ къ ручкѣ.)*

Объ чемъ Вы, Вѣрочка, плачете?

ВѢРА.

Такъ — взгруснулось. — Вспомнила покойнаго тятиньку. . . . —

НЕВЕЛЬСКІЙ.

А живаго — чтожъ не вспоминаете? — Да объ чемъ ваша матушка тамъ шумитъ въ кухнѣ? Что она сегодни не вдухѣ? . . . —

ВѢРА.

Да, быть можетъ, не множко недовольна.

НЕВЕЛЬСКІЙ.

На что? — да отъ чего это? —

ВѢРА.

Ахъ Саша, Саша! бѣда не подстать вспоминать мертвыхъ — и живыхъ. —

НЕВЕЛЬСКІЙ.

А, а! — понимаю . . . — Съ чего жъ у васъ началось?

ВѢРА.

Съ Рахлія Даниловича. —

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Какъ? — этотъ негодный и глупый старичишка и къ вамъ замѣшался. — Развѣ мало Коллена? —

ВѢРА.

Нѣтъ, нѣтъ! - маминька приступаетъ ко мнѣ, чтобъ я была непремѣнно женою Рахлія Даниловича - и Секретаршею. -

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Да ему скорѣе можетъ быть могила Секре-

таршею! — (*Прошелся по комнатѣ*). Боже мой, не довольно того, что удерживаетъ мое трудовое жалованьишко; еще бишь надобно и тутъ . . . . —

(*Ходитъ по комнатѣ.*)

ВѢРА.

Что жъ дѣлать Саша?

НЕВЕЛЬСКІЙ. (*Взявши за руку Вѣру:*)

А вотъ что Вѣрочка! — Я получилъ письмо отъ бывшаго Столоначальника въ Губернскомъ Правленіи: - онъ просится сюда въ городъ Квартальнымь; такъ онъ намъ поможетъ. -

ВѢРА.

Дай Богъ! - (*Съ удовольствіемъ.*) Скоро ли, Саша, это будетъ?

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Надѣюсь, что скоро . . . . - Его Начальство любитъ - ; а онъ мнѣ, какъ родной братъ . . - Между тѣмъ, я пойду, Вѣрочка, маминьку вашу угомоню!

ВѢРА.

Да, да! ступайте Саша! - Вы съ нею умѣете обходиться. -

(Невельскій уходитъ. - А Вѣра Петровна стала шить въ пяльцахъ.)

ЯВЛЕНІЕ 4.

Спустя четверть часа, а можетъ быть и болѣе, являются—Тупталова въ веселомъ расположеніи и Невельскій.

ТУПТАЛОВА. *(Въ нарядномъ платьѣ.)*

Проказникъ вы, Александръ Ивановичъ.

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Ей Богу, Гликерія Абросимовна, никто не скажетъ, чтобъ Вамъ не было 20-ти лѣтъ—; особенно въ этомъ платьѣ—Вы очень молодыя кажетесь.

ТУПТАЛОВА.

Ну, полно пане Невельскій! *(Съ удовольствіемъ высматривается въ зеркало.)* А что,

не слыхали ли вы, Александръ Ивановичъ, чего новенькаго въ городѣ?

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Какъ же Гликерія Абросимовна.

ТУПТАЛОВА. *(Съ любопытствомъ.)*

А нуте-ка што? *(Садится.)*

НЕВЕЛЬСКІЙ.

На дняхъ наши паничи: Ясь Бычинскій, Вицентій Свинцицкій, Бонефацій и Казимиръ Тшимавскіе увели у скряги Штабеля корову; чтобъ попировать у Доротеи Шнапшинской съ паннами—на счетъ выручки.

ТУПТАЛОВА.

Ай, ай! какая конфузія! — Штожъ Штабель?

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Тотчасъ за позовъ. Да на бѣду его, тутъ замѣшана его Шнабшинская — и кажется, долженъ былъ помириться? А дѣло пошло слѣдственнымъ порядкомъ . . . —

ТУПТАЛОВА.

Вотъ, какъ бы живъ былъ Естратъ Павловичъ мой — порядочный бы кушикъ достался! . . . . . — А то, навѣрно Рахлій Даниловичъ поживився? . . .

НЕВЕЛЬСКІЙ. *(Съ гримасою.)*

Я думаю. —

ТУПТАЛОВА. *(Со вздохомъ.)*

Охъ, бѣда жить въ сиротствѣ и вдовствѣ.

НЕВЕЛЬСКІЙ. *(Подражая ей.)*

Да, конечно, Гликерія Абросимовна?

(Нѣсколько времени молчаніе. Въ это время, отъ чувствительности Тупталова всплакнула, вспомнивъ про житье свое.)

ТУПТАЛОВА.

Александръ Ивановичъ! возмите гитару, заиграйте что-небудь и вспойте пѣсеньку?–Я люблю, какъ бывало при покойникѣ играешъ и поешъ.

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Извольте Гликерія Абросимовна! *(Беретъ гитару и настраиваетъ.)* – Что жъ прикажете?

ТУПТАЛОВА.

Да что не будь-эвтакое-хорошенькое. . — *(Дѣлаетъ знакъ.)*

НЕВГЛЬСКІЙ. *(играетъ и поетъ:)*

Среди долины ровныя, на гладкой высотѣ:
Стоитъ, растетъ высокій дубъ, въ могучей красотѣ!
Ни сосонки кудрявыя, ни ивки близь него,
Ни кустики ракитовы не вьются вкругъ его.
Ахъ, скучно одинокому и дереву рости!
Ахъ горько, горько молодцу безъ милой жизнь вести!
Встрѣчаюсь ли съ знакомыми—поклонъ, да былъ таковъ!
Встрѣчаюсь ли съ пригожими—поклонъ да пару словъ!
Однихъ я самъ чуждаюся—другой бѣжитъ меня;
Всѣ други, всѣ пріятели до чернаго лишь — дня. —

(Въ продолжени пѣсни, Тупталова, Вѣра и

Невельскій, были въ разныхъ расположеніяхъ чувствъ.)

ТУПТАЛОВА.

Нравится мнѣ эвта пѣсня; но ужь больно печальна. Я всегда заплачу . . . —

(Третъ платкомъ глаза.)

Мнѣ лучше кажется: «взвѣйся выше понесися . .» — — Представьте себѣ Александръ Ивановичъ, мы съ Вѣрочкой не много посорились! . . . —

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Объ чемъ это Гликерія Абросимовна?

ТУПТАЛОВА.

Я ее люблю и всегда забочусь, какъ объ своемъ родномъ дитяти; а она глупенькая все только капризничаетъ и . . . —

ВѢРА *(Съ упрекомъ.)*

Чѣмъ же я, маминька, капризничаю?

ТУПТАЛОВА.

Ну, ну! чѣмъ . . . — Помнишъ Вѣрочка? бывало покойный Евстратъ Павловичъ, ты бачъ такая была съ малолѣтства шалунья, станетъ мнѣ объ эвтомъ говорить—; я всегда бывало уговариваю его, чтобъ съ дитятей строго не обходиться.—Помнишъ ли?. . . —

ВѢРА *(Покачала съ сомнѣніемъ головою и вздохнула)*

Да, маминька?

ТУПТАЛОВА.

Ну, да! штожъ, чы тожъ и не правда?

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Не угодно ль Гликерія Абросимовна! я Вашу любимую запою?—и Вѣра Петровна мнѣ пособлютъ?

ТУПТАЛОВА.

Хорошо, очень—но хорошо Александръ Ивановичъ.—

НЕВЕЛЬСКІЙ. *(Началъ пѣть съ акомпаниментомъ гитары. Вѣра, желая угодить маминькѣ, подпѣвала тоже:)*

Взвѣйся, выше понесися,
Сизо-крылый голубокъ!
На томъ мѣстѣ опустися,
Гдѣ мой миленькой дружокъ.

Ты скажи, какъ сердце ноетъ,
Сердце вѣрное ему;
То забьется, то застонетъ,
Хочетъ улѣтѣть къ нему.

У кусточка, гдѣ любезной
Меня страстно цѣловалъ,
Я тамъ лью теперь токъ слезной
И кусточекъ тотъ завялъ.

Ахъ! пе медля ни минуты,
Ко мнѣ милый прилети!
И прервавъ напасти люты,
Ты въ веселье преврати.

Все тогда переродится —
Печаль въ радость, слезы въ смѣхъ!
Когда милой воротится.
Я счастливѣй буду всѣхъ. —

ЯВЛЕНІЕ 5.

Подъ конецъ пѣсни, входятъ въ гостинную: Секретарь Ююхимовскій, въ полномъ форменномъ костюмѣ и метръ Колленъ.

ЮХИМОВСКІЙ.

Мое всенижайшее высокопочитаніе Гликерія Абросимовна!

(Подходитъ къ ручкѣ.)

ТУПТАЛОВА.

А, здравствуйте Рахлій Даниловичъ!

КОЛЛЕНЪ.

Мой bon jour Фамъ мадамъ Глицерія!

(Подходитъ къ ручкѣ)

ТУПТАЛОВА.

И Вамъ Францъ Викентіевичъ желаю тоже!

(Потомъ подходятъ къ ручкѣ Вѣрочки.)

ЮХИМОВСКІЙ.

Распрекраснѣйшая панна Вьяра! съ высокопочитаніемъ цѣлую Ваши ренки.

КОЛЛЕНЪ.

И мое Фамъ пощтеніе Мадмуазель Fides!

(Вѣра дѣлаетъ имъ книксенъ.)

ТУПТАЛОВА.

Прошу покорно Панове садиться!

ЮХИМОВСКІЙ. *(Усаживаясь съ Колленомъ:)*

Имѣя къ Вамъ Гликерія Абросимовна по прежнему reverendissimum, я совмѣстно съ Метромъ пришелъ поздравить Васъ съ табельнымъ днемъ. Конечно такъ южъ опредѣлено: «Комуждо дань–дань, а кому честь–честь.»—

КОЛЛЕНЪ.

Такъ естъ, такъ естъ! Vere dicavit!—

ТУПТАЛОВА.

Покорнѣйше Васъ благодарю Рахлій Даниловичъ!

ЮХИМОВСКІЙ. *(Обращаясь къ Невельскому.)*

А, пане Невельскій, и вы тутай обрѣтаетесь?

(Нюхаетъ съ растановкою табакъ.)

НЕВЕЛЬСКІЙ, *(Съ усмѣшкою.)*

Такъ точно Рахлій Даниловичь.

ТУПТАЛОВА.

Мы здѣсь прекрасно проводили время.

ЮХИМОВСКІЙ.

Я и самъ люблю подсцивыхъ млодыхъ людей, кеди они заслуживаютъ benevolentiam Высокопочтенѣйшихъ Дамъ. *(Въ сторону.)* Ego sum bonus homo. *(Обращаясь къ Невельскому.)* Одначе вы пане Невельскій, не ладне дѣлаете, же-то не присутствуете на молебствіи въ табельный день. Отъ сего можетъ пострадать ваша репутація передъ Начальствомъ. — *(Посчелкалъ по табакеркѣ и понюхалъ табаку.)*

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Что мнѣ въ ней

ЮХИМОВСКІЙ.

Одначе . . . — за толикое дѣйствіе бывало арестъ налагаютъ . . . . конечно, я добрый человѣкъ! . . . . *(Сталъ опять нюхать табакъ и попотчивалъ Коллена.)*

ТУПТАЛОВА.

Ну, ужъ Вы, Рахлій Даниловичъ . . . —

КОЛЛЕНЪ. *(Нюхая табакъ.)*

Нашъ шлыхалемъ, шо у Фасъ пѣли. Polonia dicuntur: »шпѣфацъ дарме, полицъ гарле.» —

ТУПТАЛОВА.

Сію минуту! *(Къ воспитанницѣ.)* Вѣрочка! Вели тамъ Марушкѣ приготовить на столъ водку и закуску! да свари намъ кофе!

ВѢРА.

Извольте маминька!

(Уходитъ.)

НЕВЕЛЬСКІЙ. *(Собравшись итти:)*

Прощайте Гликерія Абросимовна!

ТУПТАЛОВА.

Кудажъ вы, Александръ Ивановичъ? — Останьтесь кофію покушать!

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Нѣтъ! покорно благодарю Гликерія Абросимовна! мнѣ надобно быть дома.—

(Подошелъ къ рукѣ.—) Тоже уходитъ.

КОЛЛЕНЪ.

Veni a diabolum.

ЮХИМОВСКІЙ. *(Съ усмѣшкою.)*

Valde bene dicavit Domine Metr.—

ТУПАЛОВА.

Охъ Вы ученые!

КОЛЛЕНЪ. *(Взявши руку у Тупталовой и поцѣловалъ.)*

Такъ Мадамъ Глицерія! «Doctrina est lux humanæ vitæ!»

ЮХИМОВСКІЙ.

Гликерія Абросимовна! Какое теченіе дѣла относительно панны Вѣры?

ТУПТАЛОВА.

Ни сколько не подается. . . — Невельскій сказывалъ, вѣрно и ей сообщилъ, что сюда онъ въ Квартальные ожидаетъ своего знакомаго. —

ЮХИМОВСКІЙ.

Либо будетъ, либо нѣту. А Вы Гликерія Абросимовна, по моей всенижайшей просьбѣ, *(Цѣлуетъ ей руку.)* такъ поудержите панну Вѣру, *(Показываетъ руками.)* доколѣ я произведу свою штукенцію. Даже подобаетъ сказаты: что она незаконнорожденная; что она добыта Евстратомъ Павловичемъ отъ жидовки, и что, естьли объявиться, должна будетъ на поселеніе пойти, и — и. . . прочая, какъ знаете.—А то, все мое богатство, когда соблаговолитъ —, будетъ наслѣдствомъ. Мой вѣкъ недолголѣтенъ. *(Понюхалъ табаку и сталъ чихать.)* *Ачхи, ачхи, ачхи!*

КОЛЛЕНЪ.

Salutem dico Domine!

ТУПТАЛОВА.

Добраго здравія Рахлій Даниловичъ!

ЮХИМОВСКІЙ. *(Поцѣловалъ руку Тупталовой.)*

Всепокорнѣйше Васъ благодарствую Гликерія Абросимовна! —

КОЛЛЕНЪ.

Еше панъ Юхимовскій веле прошіе.—

ЮХИМОВСКІЙ.

Da mihi Domine Iesu Christi! *(Цѣлуя руки Тупталовой.)* Гликерія Абросимовна! Естьли учиниться наше дѣло, якъ Пана Бога кохамъ, буду Васъ почитаты и уважаты, какъ вседражайшую маминьку! Что повелите: шляпки, шали и прочая у Васъ будетъ!—

ТУПТАЛОВА. *(Съ удовольствіемъ.)*

Хорошо, хорошо Рахлій Даниловичъ!

КОЛЛЕНЪ.

Латне пане Юхимовскій, mi amice! И мой тутъ своя ратунекъ пшикладне!

ЮХИМОВСКІЙ.

А за те оказіе, потшимаемсе пане Метръ за ренки и зажіемъ контрибуціи. *(Берутся за руки и нюхаютъ табакъ.)*

(Въ это время входитъ горничная съ докладомъ къ Тупталовой.)

МАРУШКА.

Пани! — Готова на столѣ закуска.

ТУПТАЛОВА.

А кофе Вѣрочка приготовила?

МАРУШКА.

Готово и кофе.

ТУПТАЛОВА. *(Вставши и обращаясь къ Юхимовскому и Коллену:)*

Прошу покорно Рахлій Даниловичъ! Францъ Викентіевичъ! *(Къ горничной.)* А ты Маруш-

ко скажи Домахѣ, али Охриму, штобъ не пропускали никого! Што нѣту Пани дома! Слышишъ?

МАРУШКА.

Слухаю Пани.

ТУПТАЛОВА.

Пожалуйтежъ Панове!

(При чемъ подала руку Юхимовскому, а Колленъ за ними.)

Уходятъ въ столовую завтракать—всѣ трое.—

А горничая пошла на кухню исполнить приказаніе Барыни.—

ЭСКИЗЪ.

У панны Доротеи Шнапшинской гостили молодежъ — шляхта. А именно: Людвига и Ясь Бычинскіе, Виценті́й и Тереза Свинецкіе, Бонефацій и Казимиръ Тшимавскіе, Жанета и Агата Левицкіе. Хозяйка дома и гости играли въ карты — у Короля. А Агата, не имѣя пары, чтобъ участвовать съ ними въ игрѣ, бренчала на гитарѣ разные Польскіе танцы. Потомъ запѣла, съ акомпаниментомъ гитары, на свой ладъ Украинскую пѣсню:—

На цозъ мене сватаешь,
Кеды хаты нимаешь?
Ни машь добра, ни машь хаты—
Хочешь буты южъ женатый!

Будуй хату въ лободи;
Въ чужу мене не веди;
Чужа хата такая,
Якъ свекруха лихая!

Чужимъ добромъ не поможешъ—
Панскій гоноръ заневолишъ!
Кедишь ни машь ты ничего;
Не тшимайся менжства мего!

(Въ это время разговаривали играющіе въ карты:—)

ДОРОТЕА.

Ясю! Ты круль?

ЯСЬ.

Я, я естемъ панъ Круль!

ДОРОТЕА.

А я беде пани Крулева!

БОНЕФАЦІЙ.

Я естемъ панъ Маршалекъ!

ТЕРЕЗА.

А я естемъ пани Маршалкова!

КАЗИМИРЪ.

Охъ! Я естемъ шляхтичь и слуга пана Круля!

ЖАНЕТА.

А я естемъ служебница — ни веле, ни мало!

ВИЦЕНТІЙ.

О, тшидесцѣ его мурдовало, пшишюдми се буты холопемъ и слугою пана Маршалка!

ЛЮДВИГА.

Несченстье мое, я естемъ пани Хлопова! Пуйде вмѣсцу съ Вицентіемъ на работе до Маршалка.

АГАТА. *(Побренкивая на гитарѣ.)*

А цожъ я Панове? Яки работы мамъ?

ДОРОТКА.

Тшиматсе Ленаріи!

ЖАНЕТА.

А кеди нима его?

КАЗИМИРЪ.

Буты пшидомкемъ! . . . .

АГАТА.

Нѣхце я пшидомкемъ; а беде при своемъ дому. . . . — *(Стала играть на гитарѣ и пѣть.)*

Вдовусеньку серце мое,
Поѣзѣмы на подолѣ:
На подолѣ ружпы мае! 2.

(Послѣ куплета повторенiе тогожъ голоса на одной только гитарѣ.)

Вдовусеньку кохай мене,
Я отдае серце тсебѣ —
Весь скарбекъ мой на подолѣ! 2.

ЖАНЕТА.

Цо она спѣва?

КАЗИМИРЪ.

Юморичня—чепуховски!

ВСѢ. *(Захлопали и захохотали.)*

Барзо єлична пѣсня!

АГАТА. *(Сконфузилась.)*

Я къ вамъ не мѣшаюсь; проша и до мнѣ. . . . — *(Начала другую пѣсню играть и спѣла одинъ куплетъ изъ нее.)*

Чы помѣнташъ гультяю, гультяю
Цо ты мнѣ обѣцовалъ;
Кеды зе мно у стодолу, у стодолу
На сломѣ жартовалъ!

(Речитативомъ, примѣняясь къ мужескому голосу.)

Непомѣнтамъ, бо я въ темъ часъ пянымъ былесь!

(Повторенiе пункта на одной только гитарѣ.) —
Между тѣмъ, слышны возгласы играющихъ въ карты:

«Лѣпе! Зле! Дябельство! Паскудство! Моя взяла! Моя пшепадла! Виватъ!»

АГАТА.

А хто на тенъ рокъ Крулемъ?

ЯСЬ.

Я сызновай Круль!

БОНЕФАЦІЙ.

Моя — Маршалкемъ!

ВИЦЕНТІЙ.

А я зъ хлопа сробылемсе шляхтичемъ!

КАЗИМИРЪ.

Пшепадла моя голова, цо изъ шляхтича сталемсе хлопемъ!

ДОРОТЕА.

Панове! Якъ же ваши жоны беде?

ЯСЬ.

При своихъ мѣсцехъ.

ТЕРЕЗА.

Кеди панъ Круль мувилъ, то якъ еще скаже панъ Маршалекъ?

БОНЕФАЦІЙ.

За едно съ паномъ Крулемъ.

ПРОЧІЯ ПАННЫ.

Дзенькуемъ Панамъ за юстицію!

АГАТА.

Досицъ вамъ у Круля, лепе бенземи у кепа.

ЯСЬ.

Нехце я у кепа, же-то завше имъ бывалемъ.

ЖАНЕТА.

Ну, въ маріажа?

БОНЕФАЦІЙ.

Але—то мнѣ достаесе котъ.

ВИЦЕНТІЙ.

А мнѣ кіи.

ЛЮДВИГА.

Такъ у хлюста?

КАЗИМИРЪ.

Завше пшиходится возить хлюста.

ДОРОТКА.

Такъ проша у пташека?

ВСѢ.

Добже, добже, барзо лепе!

Встали съ мѣстъ и остановившись въ кружекъ среди горницы, начали хороводную ходить, побравшись за руки и пѣть:

Лѣтавъ пташекъ въ полю,
Въ полю — по волю:
Кого схоче, того здыба. 2.

По окончаніи пѣнья разбѣгаются и, потомъ схватываются по парно между собою, кто кому нравится. Одна только Агата оставалась безъ пары.— За третьимъ или за четвертымъ пасажемъ игры, приходятъ Ленарій и Юзефина Юхимовскіе и Людвигъ Тшимавскій. И, лишь только играющіе окончили куплетъ, разбѣжались, чтобъ схватиться полюбовно; Ленарій, вмѣшавшись межъ ихъ, схватилъ въ свои объятія остающуюся Агату. Этой нечаянности, всѣ захлопали въ ладоши и захохотали.—

ДОРОТЕА.

Що Панове зачекались такъ длуго?

ЛЮДВИГЪ.

Мы съ новинкою до васъ.

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Зъ якей?

ЛЕНАРІЙ.

Пшишли отъ пана Секретаржа: просяцъ васъ Панны и Паничи на его свадьбу.

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Зе правды?

ПРИШЕДШІЕ.

Далебугже.

АГАТА.

А кеды беде свадьба?

ЛЕНАРІЙ.

Дзисяй — по вечеру,

ЖАНЕТА.

А гдзѣ беде шлюбъ?

ЛЮДВИГЪ. *(Со смѣхомъ.)*

Доскональпо въ Кляшторѣ.

ТЕРЕЗА.

Цо она муве; гдзѣ беде свадьба? —

ЛЕНАРІЙ.

До правды ни знамъ. Здаесе, що въ пана Рахлія у господѣ.

КАЗИМИРЪ.

Бьядная панна Вьяра!

ДОРОТЕА.

Цозъ за бьядная? Же съ бѣдносци — до такого богатства пшіймесѣ.

БОНЕФАЦІЙ.

Цо и богатство для такей млодосци! —

ЮЗЕФИНА.

Едначе, хтожъ не захце лѣпыхъ нарядовъ! —

ЯСЬ.

Да мнѣ ихъ ни зацо не потшебнѣ.

ЛЮДВИГА.

То-то до амбицивосци пшикладне еще гонору.

ВИЦЕНТІЙ

Я тего за ней не замѣнцалъ.

ДОРОТЕА.

Еще бачь невидно, кеды войа съ нами ни гдѣ не гуляе; тольки водзицѣ съ такою гоноровоюжъ панной Барбарой Петавской.—

ТЕРЕЗА.

А цо панъ Невельскій?

ЛЕНАРІЙ.

Его панъ Рахлій южъ съ недзѣлю укон-тентовалъ арестемъ. И по дзѣломъ! . . . Та ну ихъ къ дзябламъ! — А проша Панство на балъ до нашего Секретаржа!—

АГАТА.

А беде капелія?

ЮЗЕФИНА.

Досконально — и велька.

ЖАНЕТА. *(И нѣкот. Панны.)*

О потанчимо мазурку!

ЛЮДВИГЪ.

Еще будутъ и спѣваки. Панъ Швабренко повстрѣчалемся зе мно и мувилъ, цо иде писаржевъ сбирацъ до справленю.

ЯСЬ. *(И нѣкот. изъ Паничевъ:)*

О барзо слично, барзо пенькне!

ПАННЫ. *(Между собою.)*

Хозьмо Панны наряды готовицъ.

ВСѢ.

Хозьмо, хозьмо! До забоченья!

Прощаются и уходятъ по домамъ, дабы приготовиться къ свадьбѣ Юхимовскаго.—

Осталась только хозяйка — панна Доротея, и приостановился у нее Ясь Бычинскій.—

ЭФЕКТЪ.

Въ Гершки Хайловича мѣщане: Пижъ, Цапъ, Гапликъ, Лобода, Чупрунъ и Ковинька угощали Членовъ Ратушіи: Бургомистра Ѳедора Якимовича Мьямленка, Рахмана Мину Висильевича Мякиша и Думу Дементія Кузьмича Маракуеика. *(Цѣль угощенія состояла въ томъ, чтобъ нѣкоторымъ изъ нихъ выданы были поскорѣе билеты, для чумакованья и другихъ отлучекъ изъ города на заработки.)* Ужъ это происходило въ сумеркахъ— и при свѣчахъ. Горѣлки и пива довольно выпито; что можно было замѣтить изъ охмѣлѣлости пирующихъ. Но все еще передъ ними на столѣ стояло около двухъ квартъ горѣлки и кидова съ пивомъ:—и мѣщане съ Членами угощались попеременно горѣлкою, или пивомъ.—

(Нѣкоторые изъ мѣщанъ разговаривали съ Членами. А Лобода и Чупрунъ пѣли пѣсню:)

Отамане, батьку нашъ!
Да порадь же теперь насъ:

Що будемо робити,
Чѣмъ волыки кормити?
—Аще хлопци не бѣда:
Есть у полѣ лобода!
Косить хлопци лободу,
Не вдавайтесь у тугу!
—Косить хлопци отаву,
Пасить волы на славу!
Косить хлопци очеретъ,
Та сваремо вечерать!—

МАРАКУЕНКО.

Я то маракую, що скольки набереся бѣды въ чумаствѣ!

ЧУПРУНЪ.

Да вонобъ усе бачь ничого Дементій Кузьмовичъ! тольки бъ намъ зъ Лободою скорѣйше дали палеты.

ЛОБОДА.

Эге, эге добродѣю . . . —

МАРАКУЕНКО.

Мое дѣло не великого маракуванья . . . . духомъ. . . . Якъ Члены скажуть . . . —

Чупрунъ сталъ угощать горѣлкою Думу Маракуенка; а потомъ обратился съ подчиваньемъ къ Бурмистру и Ратману.

Гапликъ и Ковинька, съ участіемъ Думы и нѣкоторыхъ запѣли:

Ой не шуми луже, ты зеленый гаю,
Не завдавай сердцю жалю, боя въ чужомъ краю!
Бо я въ чужомъ краю марне пропадаю;
Ой тымъ же я пропадаю, що роду не маю. . .

Хочь у мене и е родъ—далеко одъ мене;
Ой я чую черезъ люди, цурается мене.

Нехай воны цураются, да якъ сами знаютъ;
Прійде тая годиноньна, щой мене згадають!

Въ продолженіе пѣсни входитъ въ шинокъ Невельскій и въ разстройствѣ, не обращая вниманія ни на кого, садится у другаго конца стола.

ГЕРШКО. *(Замѣтивши изъ комнатки приходъ Невельскаго, подходитъ къ нему съ своими жидовскими ужимками.)*

Цо панъ Невельскій приказе?

НЕВЕЛЬСКІЙ. *(Вынимаетъ изъ кармана цѣлковый.)*

Бачишь! На весь давай горѣлки, пива и меду!

ГЕРШКО. *(Почесывается.)*

Чую зъ пакъ пане Невельскій.

(Взявши деньги, отправляется за напитками.)

МАРАКУЕНКО. *(Въ продолженіе того, какъ другіе безъ вниманія на постороннихъ пьютъ и разговариваютъ, замѣтивъ Невельскаго, шатаясь, подходитъ къ нему.)*

Здраствуйте Олександръ Ивановичь! и вы до насъ пожалували? — А що жъ не на весѣльи у Рахлія Даниловича? —

НЕВЕЛЬСКІЙ. *(Заскрежеталъ зубами и ударилъ по столу кулакомъ.)*

Что бъ у него всѣ черти пировали. . . .—

Проклятой старичишка! — *(Всталъ съ мѣста и зачилъ ходить по избѣ.)*

Между тѣмъ, отъ крыку Невельскаго осмотрѣлись Бургомистръ, Ратманъ и прочіе мѣщане.

БУРГ. МЬЯМЛЕНКО.

Ни, ни Олександръ Ивановичъ!—«Властемъ подобаетъ корытся—» такъ и по книгамъ сказано.

РАХ. МЯКИШЪ.

И я съ Ѳедоромъ Якимовичемъ однихъ мыслей.

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Послалъ бы я васъ съ мыслями въ болото — за компаніею съ Секретаремъ вашимъ . . .— Какой онъ мнѣ Начальникъ? . . . —

МЬЯМЛЕНКО.

Одначе: «поки сонце зыйде, то роса вочи выѣсть!—»

МЯКИШЪ.

И я тѣхъ же мыслей.

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Что съ вами говорить: онъ, какъ лошадей, держитъ васъ въ своихъ возжахъ!. . —Да!—

МАРАКУЕНКО. *(Подноситъ Невельскому рюмку горѣлки.)*

Олександръ Ивановичъ! здѣлайте милость, выкушайте рюночку; далебѣ що мы ни въ чѣмъ не виноваты.

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Я знаю! — Выновата ваша простота! . . —

Пьетъ горѣлку залпомъ. Въ это время Гершко ему приноситъ напитки и ставитъ на столъ. —

На сколько Гершку подалъ?

ГЕРШКО.

Азезъ пакъ пане Невельскій лисьногозъ не возьмемъ. —

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Ну, прошу покорно со мною панове Члены и мѣщане! *(Наливаетъ стаканъ горѣлки и пьетъ.)* У меня товарищей нѣту. —

МЬЯМЛЕНКО. *(Взявъ шапку и хочеть ити.)*

Намъ пора до дому Мина Васильевичъ?

МЯКИШЪ.

И я такихъ же мыслей.

ПИЖЪ.

Куды жъ вы Панове наши?

ЦАПЪ.

Здѣлайте милость Ѳедоръ Якимовичъ! Мина Васильевичъ!

МЬЯМЛЕНКО.

Ни, ни! намъ треба до дому; завтра треба съ хлѣбомъ и съ солью поздравить Рахлія Даниловича и его дражайшую супругу.

МЯКИШЪ.

И я тѣхъ же мыслей.

МАРАКУЕНКО.

Панове Члены! чы таки справди идете?

МЬЯМЛЕНКО.

Ни, ни! пора . . . . . *Уходитъ вмѣстѣ съ*

Мякишемъ. Ихъ провожаютъ Пижъ, Цапъ и Лобода.

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Ну, пусть себѣ съ Богомъ идутъ. Правда Думо? *(Подчиваетъ Маракуенка и остающихся мѣщанъ.)* Они безъ его ни думать, ни дѣлать не могутъ . . . – А Члены Ратуши? . . —Проклятый! . . . Все мое счастье заѣлъ! . . – *(Пьетъ еще – и въ неудовольствіи сталъ ходить по избѣ.–)*

МАРАКУЕНКО.

Я й самъ маракую, якъ подивлюсь. . . — При Евстратѣ Павловичѣ не харахорився такъ Рахлій Даниловичъ. . . . —

КОВИНЬКА.

Ни чого казать, умѣвъ пановать у городѣ . . –

ГАПЛИКЪ.

Тольки жидовскимъ батькомъ бувъ . . . —

ЧУПРУНЪ.

Та все таки не католикъ—якъ Юхимовскій.

КОВИНЬКА.

Та що ему здумалось — на старисть женитьця? Ябъ, якъ бы можно, разженився зъ своею. . . . —

ЧУПРУНЪ.

Чы хибажъ ты не знаешъ, що якъ кажуть: «лысина на голову, а чортъ въ бокъ.» —

ГАПЛИКЪ же съ ДУМОЮ МАРАКУЕНКОМЪ
Стали пѣть пѣсню:

(Имъ впосля подпѣвали и другіе. А Невельскій, расхаживая въ задумчивости по шинку, по часту прикладывался къ напиткамъ.)

Да оре Семенъ, оре
Да чорными волами;
Его жонка Катеринка
Гуляе зъ москалями.

Дооравсяжъ той Семенъ
Тай до нового лапу;
Пустивъ волы у диброву,
А самъ пойшовъ тай до дому.

Якъ прійшовъ же той Семенъ
Та до новои хаты;

Пытается своихъ дѣтей:
А де дѣти ваша мати?

Ой пойшла наша мати
Да у лугъ по телята;
Забожилась, заклялася,
Що не ваша дѣти мати!

Ой якъ кинеться Семенъ
Та до новои скрыньки:
Нема добра, нема и скрыньки,
А ни жонки Катеринки!

Якъ ударится жъ Семенъ
Да объ полы руками:
Дѣтки мои, квѣтки мои,
Ой пропавъ я теперь съ вами! —

НЕВЕЛЬСКІЙ. *(Довольно уже под гулялъ.)*

Славно панове мѣщане! — *(Кричитъ къ жиду.)* Эй Гершку, давай еще горѣлки!

Въ это время возвращается Лобода и шепчетъ что-то на ухо Думѣ и другимъ.

Что жъ Гершку?

ГЕРШКО. *(Изъ комнатки.)*

Заразъ пакъ, заразъ!

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Жидовскій заразъ! . . . — *(Замѣчая шопотъ мѣщанъ.)* Ну, что, чай въ другое мѣсто зовуть?

МАРАКУЕНКО. *(Шатаясь:)*

Ни, ни Олександръ Ивановичъ! — А приходила бачь жонка до дому звать . . . — *(Обращается къ прочимъ мѣщанамъ.)* Провидить, будьте ласкови! — *Лобода и Гапликъ взяли его подъ руки и ушли.* —

НЕВЕЛЬСКІЙ. *(Пьетъ и потчиваетъ оставшихся мѣщанъ.)*

Ну, такъ выпьемте съ вами! Вы еще, какъ отъ чумы, не бѣжали мене. —

ЧУПРУНЪ.

Дяковать вамъ Паничу! — Мы и такъ вдовольнились. . . . —

КОВИНЬКА.

Дай Богъ вамъ всего того, чого тольки вы бажаете!

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Одной смерти. . . . . . *(Въ сердцахъ и съ скрежетомъ зубовъ.)* Да! - при своей долѣ.— одной смерти желаю!. . . — Да, было одно счастье — и то подлый старичишка похитилъ! . . . — Яга–баба продала! . . . — А Вѣрочка что?. . . *(Схвативши себя въ сердцахъ за волосы и сталъ ходить по избѣ.)* — И хмѣль не беретъ.

А ЧУПРУНЪ И КОВИНЬКА *(запѣли:)*

Журба мене сушить, журба мене валить,
Журба мене, мати, скоро изъ ногъ свалить!

А я жъ той журбѣ дай не поддаюся —
Пойду до шинкаря, горѣлки напьюся.

Горѣлка пьяна, суча журба впряма;
Горѣлка сумна, суча журба умна.

Чомусь менѣ, брате, горѣлка не пьется,
Биля мого серденька якъ гадина вьется.

Коло серця, брате, коло серця мого,
А коли не вѣришь нехай биля твого!

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Да, правду спѣли!—Выпьемъ-же? - *(Пьетъ и потчиваетъ мѣщанъ.)*

Между тѣмъ, приходишъ за оставшимися мѣщанами

ПИЖЪ.

Чого жъ вы засидѣлись? — Чы хибажъ и не знаете? . . . —

ЧУПРУНЪ и КОВИНЬКА.

Гарный Паничъ! — Закалякались! *(Собираются ити.)* Спасеть Богъ васъ Паничу!

Уходятъ всѣ трое.

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Ну, ну, убирайтесь?—Охъ, народъ . . .— *(Пьетъ горѣлку.)* Было время, когда и Невельскаго знали! . . . — А теперь? . . . — Правда,—«всѣ други, всѣ пріятели, до чернаго лишь дня.—» Вызвалъ же меня покойникъ Тупталовъ? . . . . — чтобъ на разбой передать этимъ Рахліямъ и Гликеріямъ и . . . и . . . *(Скрежещетъ зубами и колотитъ по столу кулакомъ.)* Зарѣзали проклятые! . . —

Зналъ же когда подъ арестъ. . . . Да имѣлъ ли онъ право? . . . Я не Швабренко! и . . и . . . *(Выливаетъ изъ штофа остающуюся горѣлку и пьетъ, а штофъ бросаетъ.)*

ГЕРШКО. *(Услыхавши дребезгъ посуды, подходитъ къ Невельскому.)*

Панезъ Невельскій! А цы ни поразъ пану до дому?

(Ужимается.)

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Ну, а что тебѣ?

ГЕРШКО.

Азезъ пахъ требазъ Богу молиця; да спать зе пахъ пора. —

НЕВЕЛЬСКІЙ. *(Собирается итти и шатаясь.)*

Молиться — а? что бъ вымолить удальства на обманы — а? . . . —

ГЕРШКО.

Язъ пакъ не выноватъ! . . . И моязъ пакъ

посуда цого не будь костуе! . . . . . Гирсте пакъ! —

(Пожимается.)

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Убирайся къ чорту! . . . —

Уходитъ пьяный.

ФАКТЪ 5.

Свадебный пиръ пировали въ домѣ Гликеріи Абросимовны Тупталовой. За тѣмъ, что въ Рахліи Даниловича Юхимовскаго оказался малъ домъ для множества гостей, Шаферомъ и друшкомъ у молодаго *(какъ у Малороссіянъ ведется,)* былъ Францъ Викентіевичъ Колленнъ. Посажеными—съ жениховой стороны были, родной братъ его Левонтій Даниловичъ съ женою Люцилою, паны Юхимовскіе. Съ невѣстиной стороны матерью Тупталова и отцемъ Теобальдъ Штабель. Дружкою была Варвара Павловна Петавская, пріятельница Вѣры. Свахами — Паньи Разалія Шнапшинская и Доминика Петавская, мать Варвары. Прочіе гости на свадьбѣ: Томашъ и Корвита Бычинскіе съ дѣтьми своими—Людвигою и Ясемъ; Левъ и Сильвія Свинцицкіе съ дѣтьми—Викентіемъ

и Терезою; Конратъ Тшемавскій, съ сыновьями—Бонефацiемъ, Каземиромъ и Людвигомъ; Янъ и Леонтина Левицкіе, съ дочерьми — Жанетою и Агатою; еще панна Доротеа Шнапшинская, паничъ Ленарій и панна Юзефина Юхимовскіе.–Канцелярскіе Ратуши, подъ управленiемъ Дениса Дементіевича Швабренка, а именно: Евтихій Папуша, Дементій Шманай, Питюлька, Балабашъ, Цюцюра и Секстернскій, распоряжались и суетились съ угощенiемъ на свадьбѣ. — Музыка приглашена была самая лучшая въ городѣ: съ десятокъ жидовъ, съ разными инсрументами.–

На такой значительной Панской свадьбѣ все было весело и чрезвычайно занимательно. Объ удовольствiи и нарядахъ празднующихъ— нѣтъ чего и сказывать. Однимъ одна только молодая Секретарша Вѣра Петровна была блѣдная и какъ бы приговоренная къ смерти. —

Это уже было послѣ вѣнчанья. —

ЯВЛЕНІЕ 1.

Въ залѣ сидѣли гости съ молодыми за ужи-гомъ. Ужинъ былъ уже къ концу; что можно замѣтить изъ веселаго говору пирующихъ.

КАНЦЕЛЯРСКІЕ *Съ игрою музыки, пѣли:*

Ой знати, знати, въ кого есть дочки:
Топтаны стежечки подъ оконечки.
— Знати, знати, хто любитъ Руську:
Топтаны стежечки черезъ петрушку:

Ой знати, знати, хто любитъ Польку:
Топтаны стежечки черезъ фасольку.
— Знати, знати, хто кого любить:
Той къ тому стежечку якъ ножемъ рубить.

Ой знати, знати, хто кого любить:
Сѣдае далеко — серденькомъ нудить.
— Знати, знати, хто зъ кого кпится:
Близенько сѣдае — чортомъ дивится.

Ой бѣда, бѣда й не женатому,
Якъ тому горщичку да щербатому:
Кипить, скипае, да все сплывае,
Де ни повернится — добра не мае.

6.

Самъ я не знаю, чомъ не женюся:
Пойду до рѣченьки — тай утоплюся:
— «Ой не топися, душу загубишь!
Ходимо вѣнчаться, коли ты любишь!—»

Послѣ пѣсни, Рахлій Даниловичъ велѣлъ Швабренку, чтобъ онъ распорядился, — подавать гостямъ вино.—

Гости за тостами стали поздравлять новобрачныхъ.

КОЛЛЕНЪ.

Reverendissime amice Juchimovsky! cum juventutam tuam feminam vivi in omniam æternitatem!—

ХОРЪ. *(Канцелярскихъ.)*

Многая лѣта! 3.

ТУПТАЛОВА.

Дай Богъ, вамъ жить, какъ мы съ покойникомъ Евстратомъ Павловичемъ!

ХОРЪ.

Многая лѣта!
Насѣемъ жита,
Якъ Богъ поможетъ,

Жито уродитъ!
Многая лѣта!

ЮХИМОВСКІЕ:

ЛЕВОНТІЙ.

Сченстья въ жизни!

ЛЮЦИЛА.

Якъ сами себѣ!

ХОРЪ.

Поставимъ снопки;
Та вдаримъ гопки!
Многая лѣта!

ШТАБЕЛЬ.

И—и—и—Веле ро—кувъ по—жондамъ!

ХОРЪ.

Пива наваримъ:
Вѣкъ свой похвалимъ!
Многая лѣта!

РОЗ. ШНАПШИНСКАЯ.

Цяловаця съ кохан-
кою своей завше!

ДОМ. ПЕТАВСКАЯ.

И кохатця жадный
дзень!

ХОРЪ.

Зазовемъ въ гости:
Все Егомости!
Многая лѣта!

БЫЧИНСКІЕ:

ТОМАШЪ.

Мм —
— Пожондамъ веле
коханыхъ дзятекъ!

КОРВИТА.

Такихъ
Пенкныхъ, якъ
наши! . . . . —

ХОРЪ.

Пива напьемся;
Всѣ обоймемся!
Многая лѣта!

СВИНЦИЦКІЕ.

ЛЕВЪ.

Св—вшисце млодымъ
и весялымъ буты!

СИЛЬВІЯ.

Якъ наша млодость
пшоходзила! . . —

ХОРЪ.

Возьмемся въ боки:
Поскачемъ гопки!
Могая лѣта!

КОНР. ТШЕМАВСКІЙ.	ЯНЪ и ЛЕОНТИНА ЛЕВИЦКІЕ.	
Тшемацся въ здру-вьи!	На вѣки вѣкомъ!	Аменъ вамъ сченеться и здрувья.

ХОРЪ.

Многая лѣта!

ВАРВАРА ПЕТАВСКАЯ.

Рахлію Даниловичу и Вѣрѣ Петровнѣ! желаю душевно всего того, чего сами себѣ хочете!

(Вѣра сквозь слезы улыбнулась къ пріятельницѣ.)

ПРОЧІЕ ПАНИЧИ и ПАННЫ.

Пану Секретаржу! Паньи Секретаровой!

ХОРЪ. *(Въ продолженіи того, какъ прочіе за тостами поздравляли новобрачныхъ, нѣсколько разъ пропѣлъ:—)*

Многая лѣта!

СЕКР. ЮХИМОВСКІЙ.

Покорнѣйше благодарствую Вамъ Панове!

Отъ себя лично и отъ законной моей супруги, за изъявленныя поздравленія!

(Пьетъ въ удовольствіи тостъ и раскланивается съ гостьми. Вѣра также прихлебнула не много и принужденно раскланялась гостямъ.)

Между тѣмъ канцелярскіе съ музыкою —

ХОРОМЪ *запѣли:*

(Имъ также нѣкоторые изъ гостей подпѣвали. А другіе въ весельи и съ хохотомъ хлопали въ ладоши.)

Мы тебе любимъ сердечно,
Будь намъ Начальникомъ вѣчно:
Наши зазженны сердца,
Мы тебе любимъ отца!

(Повтореніе послѣдняго стиха въ восторгѣ и съ хлопаніемъ.)

Рады съ тобой мы въ воду,
Рады въ огонь, въ непогоду—;
Всякой съ тобою намъ край,
Кажется намъ рай, рай!

(Тоже повтореніе.)

ЯВЛЕНІЕ 2.

Подъ конецъ пѣсни, вбѣгаетъ пьяный и растрепанный, съ полштофомъ въ рукѣ

НЕВЕЛЬСКІЙ, *(и поетъ:)*

Рады въ черпилахъ топиться;
Рады сивухи напиться! . . . —

(Всѣ гости остолбенѣли. Барышни и дамы нѣкоторыя вскрыкнули. А Вѣра впала въ обморокъ.)

Га! . . . -- Какъ черти, когда праведную душу завербуютъ къ себѣ, какъ черти радуетесь! . . . Га! . . . — *(Бьетъ объ полъ полштовъ.)* Такъ разобьетъ Богъ вашу дябельскую компанію! . . – Вашу жизнь! . . – Какъ вы розбили жизнь чужую! . . – Га! . . – *(Въ бѣшенствѣ смѣется.)* Ха—ха—ха—ха—ха—! . . — Га! . . . — *(Схватилъ себя за волосы и задумался.)*

Въ это время Швабренко подбѣжалъ къ Невельскому и съ помощію Папуши, Шманая и Балабаша, вывелъ его изъ комнаты. У две–

рей слышенъ былъ его крикъ: Я вамъ помѣшалъ! . . . – Радуйтесь! Веселитесь! Не буду мѣшать! . . . —

ШВАБРЕНКО. *(За дверьми:)*

Виткиль его нечиста сила принесла! —

(Петавская съ дочерью стали помогать Вѣрѣ. Тупталова пошла за спиртомъ. Тутъ же суетились Юхимовскій Секретарь, Колленъ и Шпапшинская Розалія.)

СЕКРЕТ. ЮХИМОВСКІЙ.

Я добрый чловѣкъ! — Могли бы не велѣ що ему сробиты? . . . Но я и врагамъ своимъ прощаю! . . . Я добрый чловѣкъ! . . – *(Къ Питюлькѣ.)* Панъ Питюлька! – *(Питюлька подбѣжалъ къ нему, и онъ что-то тихонько приказалъ: а этотъ тотчасъ и ушелъ.)*

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

То кольвикъ низна тего! —

КОЛЛЕНЪ.

Кети бы унъ былесь у мне въ кляссу, моябъ ему такихъ зашипалъ virgines! . . . —

ШТАБЕЛЬ.

И–и–и кеди я бы–лесъ въ клештору, то по–мѣнтамъ, цо вирга естъ!. . . –

ТКОБ. БЫЧИНСКІЙ.

Мм–млодый чловѣкъ! . . . –

ТУПТАЛОВА. *(Принесши скляночку со спиртомъ и отдала Петавской, для употребленія въ помощи Вѣрѣ.)*

Ахъ, негодный сорванецъ! и стыда не имѣетъ–являться въ компанію такимъ! . . —

ЛЮЦ ЮХИМОВСКАЯ.

Цозъ робицъ, кеди его печаль огомонила, а може и веле еще цо? . . . —

СЕКР. ЮХИМОВСКІЙ.

Едначе сестра, унъ не пошедъ въ воду утопиться! . . . . — Я добрый чловѣкъ; не помѣнтамъ крывды людской! –

КОЛЛЕНЪ.

Альбо въ огонь!

КОНР. ТШЕМАВСКІЙ.

Я тшимаюсь тего ратунку.

ЛЕВ. СВИНЦИЦКІЙ.

Св-вшисце за едно.

ЛЕВИЦКІЙ.

На вѣки вѣковъ.

(Въ продолженіи сего разговора, паничи смѣялись надъ паннами, на счетъ испугу ихъ и перемигивались между собою относительно обморока Вѣры.)

ВѢРА. *(Пришедши въ себя:)*

Ахъ Варя! какъ я не здорова!

ВАРВАРА. *(Успокоивая ее:)*

Вѣрочка, другъ мой, спокойся! — Не хочешь ли, выйдемъ у другую комнатку?—

ВѢРА.

Хорошо Варя!

Уходятъ съ Петавскою.—

ТУПТАЛОВА. *(Съ пренебреженіемъ.)*

Богъ зна, объ чѣмъ манериться — и въ обморокъ приходить!

СЕКР. ЮХИМОВСКІЙ.

Проша Панове выбачить!

Всѣ встаютъ изъ застола, роскланиваются съ хозяиномъ и между собою и цѣлуются. Въ шумѣ, говорѣ и хохотѣ молодежи, отзывался откликъ:—

Дзѣнкуе Пану! — Проша выбачить! Проша, проша и проч.—

(Музыка строила инструменты.)

Наконецъ музыканты заиграли — Польскій—, и Секретарь Юхимовскій съ Тупталовою подъ руку, за нимъ Колленъ съ Шнапшинскою, Штабель съ Юхимовскою и такъ далѣе, прочіе гости попарно, кому съ кѣмъ пришлось, отправились въ другіе покои.—

Между тѣмъ, остающіеся Канцелярскіе, съ помощію прислуги Тупталовой, стали убирать въ комнатѣ.—

(Возвратился Швабренко, съ прочими Канцелярскими; и пошелъ донести Секретарю Юхимовскому, о сдѣланномъ имъ распоряженіи на счетъ Невельскаго.—)

ЯВЛЕНІЕ 3.

Въ прежней комнатѣ все убрано. Изъ нее въ гостинную двери растворены. Гдѣ сидѣли новобрачные съ гостьми. Имъ подносили десертъ, дамамъ кофе, а мужчинамъ — кому пуншъ, кому вино. — Пирушка опять по прежнему стала. — Между гостьми — шутки и смѣхъ молодежи, говоръ пожилыхъ, постепенно увеличивали невнятный шумъ и достаточно обрисовывали характеристику свадебнаго бала.— Тупталова въ радости суетилась угощеніемъ.—

КАНЦЕЛЯРСКІЕ. *(Подъ дирекціею Шевбренка,) пили и подъ музыку пѣли:*

Переходомъ въ чистомъ полѣ
Зацвѣли волошки;
Тимъ я тебе полюбивъ,
Що румяна трошки. 2.

Гей, перестань ты до мене
Козаче ходити!
Гей перестань молодую
Зъ розуму зводити!— 2.

Якъ я маю перестати,
Коли люблю тебе!
Пусти мене, мое серце,
Та пустижъ до себе! 2.

Буду ходить, дѣвчиноньно,
Поки не достану
Твого лиця румьяного,
Хорошого стану!— 2.

По окончаніи пѣсни, Швабренко сталъ угощать музыкантовъ водкою. (И въ продолженіи этого, они настраивали инструменты.—

Молодая шляхта — паничи и панны составляли партіи для танцевъ.—

ЛЕНАРІЙ.

Пана Агата проша!

ЛЮДВИГЪ.

Проша ренку панна Юзефина!

КАЗИМИРЪ.

Зе мно беде танчицъ панна Жанета?

ДОРОТЕА.

Ясю! велѣ ренки давишь!

ЛЮДВИГА.

А мнѣ панъ Вицентій на ноге наступилъ!

ТЕРЕЗА.

Цо панъ Боиефацій не деликатне обломпилъ? . . . —

(Хохотъ молодежи и хлопанье въ ладоши, при составленіи партій увеличивали шумъ.)

ЛЕНАРІЙ и НѢКОТОР.

Гей, мазурку, мазурку!—

Музыка заиграла, и молодежъ стала танцовать мазурку.—

(Въ продолженіи танца, нѣкоторые изъ родителей любовались своими дѣтьми.) Прочіежъ гости разговаривали за пуншемъ въ гостиной. Варвара не принимала участія въ весельи молодежи; а находилась неотлучно подлѣ пріятельницы своей Вѣры.—

Танецъ окончился. Музыка умолкла. Смѣхъ и говоръ паничевъ и паннъ продолжался. Было слышно:

«Досицъ! Дзѣнькуе паничу! Дзѣнькуе паннѣ!»—

Прислуга подносила молодой шляхтѣ пряники, орѣхи и другія лакомства; а равно произволящему и напитки.—

Канцелярскіе откашливались, приготовляясь ть пьсню. Къ разнохарактерности шума, зыканты строили свои инструменты.—

ХОРЪ *съ музыкою: — (Имъ подпѣвали охотники изъ паничевъ.)*

Ой за гаемъ, гаемъ,
Гаемъ зелененькимъ;
Тамъ орала дѣвчиненька
Волыкомъ черненькимъ. } 2.

Орала дѣвчина—
Не вмѣла гукаты;
Та наняла козаченька,
У скрыпочку граты.— } 2.

Козакъ въ скрыпку грае,
Бровами моргае;
Вража его мати знае,
Про що винъ гадае? } 2.

Чы про мои волы;
Чы про чорни брови;
Чы про мое бѣле личко,
Що бачь до любови! } 2.

ГОСТИ. *(Захлопавши.)*

Барзе сличне! — Браво! Браво!

ЖАНЕТА.

Проша Панове фалеса!

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Ладне! Валеса! Валеса!

КАЗИМИРЪ.

Гей капелія! Валеса!

Музыка заиграла вальсъ, — и таже молодежъ стала танцевать. Старики глядя на нихъ, бывъ въ куражѣ, нѣкоторые изъ нихъ стали въ гостинной танцевать тотъ же вальсъ. (А именно: Колленъ съ Тупталовой, Том. Бычинскій съ Шнапшинскою, Тшемавскій съ Петавскою и Левон. Юхимовскій съ Левицкою.)— Секретарь Юхимовскій что-то разговаривалъ съ своею невѣсткою Люцилою и Штабелемъ; а прочіе гости, глядя на удальство стариковъ, смѣялись.—

Вѣра, въ продолженіи танцевъ пирующихъ, ушла съ Варварою въ свою дѣвическую комнату.—

ЯВЛЕНІЕ 4.

Въ небольшую горничку, гдѣ воспитанница Тупталовыхъ проводила свое дѣтство, вошли новобрачная Вѣра и пріятельница ея Варвара Петавская. — (Между тѣмъ, какъ издали отзывался звукъ музыки и шумъ пирующихъ.)

ВѢРА.

Ахъ Варя! — Погибла моя жизнь! . . .— Какое-то предчувствіе тяготитъ меня! . . — Александръ Ивановичъ такъ меня испугалъ!— Что съ нимъ сдѣлалось? . . . — Ахъ Боже мой, Боже мой!— Что со мною будетъ?...—

(Плачетъ.)

ВАРВАРА. *(Утѣшаетъ ее.)*

Дружекъ—Вѣрочка, успокойся пажалуйста!— Чѣмъ же було пособить? . . . . — Ты сама знаешь, что тебѣ не житье и у Гликеріи Абросимовны?— Покрайности, съ старикомъ можно лучше совладать?

ВѢРА.

Да! Тебѣ такъ кажеться! . . . — Да легко ли жить съ нимъ? . . . — Развѣ еще ты не

выдишь, какъ расположены ко мнѣ его родные? . . . —

ВАРВАРА.

Оно-то такъ! . . . — Къ намъ — съ тобою и вся шляхта наша не очень-но расположена! . . . —

ВѢРА.

Послухай Варю! — Судьба моя рѣшилась уже! Сдѣлай милость, если Богу угодно будетъ, осчастливъ Сашу Невельскаго ! . . . . — Я знаю—не долго буду жить на свѣтѣ ! . . . . Это время—много меня убило! . . .— Ахъ Боже мой!— Думала ли я при покойномъ Тятинькѣ объ этомъ ? . . . . — Онъ терпѣть не могъ старикашку . . . — *(Задумываются объ—Вѣра и Варвара.—)*

Въ это время приходитъ въ комнату

ПЕТАВСКАЯ.

Щожъ вы мои коханки тутича горюете?— А тамъ такое веселіе! . . . —

ВАРВАРА.

Ахъ маминька ! Вы знаете , я такъ люблю Вѣрочку. . . . —

ПЕТАВСКАЯ. *(Ласкаявъ Вѣру.)*

Вѣра Петровна! Вамъ треба съ Рахліемъ Даниловичемъ на свадьбѣ потанчить: хоть польскій пройтися! — Меня воны послалы за вами . . . . —

ВѢРА.

Что жъ мнѣ дѣлать! — Кому веселье, а мнѣ . . . —

(Стала плакать, а Петавская и дочь ея, стали утѣшать Вѣру.)

ПЕТАВСКАЯ.

Да, отъ, воны и сами идуть. —

Приходятъ Секр. Юхимовскій и Тупталова.

ЮХИМОВСКІЙ. *(Нюхаетъ табакъ, и потомъ цѣлуетъ руку у Вѣры.)*

Найяснѣйшая пани Вѣра Петровна! Всеуниженнѣйше Васъ прошу, осчастливить своимъ присутствіемъ меня и гостей въ зало!

ТУПТАЛОВА. *(Въ неудовольствіи.)*

Што ты матушка конфузишь гостей? Я

кажевся не учила тебя обходиться такъ съ людьми?

ЮХИМОВСКІЙ. *(Унимая Тупталову:)*

Гликерія Абросимовна! Прошу покорнѣйше! . . . . Вѣроятнѣйше, такъ оно есть,— Вѣра Петровна для шпациру ушли — отдохнуть . . . . . . *(Нюхаетъ табакъ.)* Оно-то такъ. . . . . —

ТУПТАЛОВА.

Да, да! Смотрите на ее! . . . . . —

ВАРВАРА.

Гликерія Абросимовна! Мы съ Вѣрочкой ушли посовѣтоватся, чтобъ намъ потанчить; да Вѣрочка отговарывается, что ей что-то не здоровиться,—

ПЕТАВСКАЯ.

Говорижъ, они тутъ забавляются, якъ було. . . . —

ЮХИМОВСКІЙ.

Проша яснѣйшіе Паньи! — *(Беретъ подъ*

руку Вѣру.) Проша найяснѣйшая пани Вѣра Петровна!

Вѣру уводитъ, а за ними прочія уходятъ.—

ЯВЛЕНІЕ 5.

Въ залѣ, гдѣ свадебные гости пировали, говоръ пожилыхъ, шумъ и хохотъ молодежи, суетливость Канцелярскихъ въ хозяйничествѣ и звукъ музыки, вполнѣ изъясняли веселость свадьбы Секретаря Юхимовскаго.—

Нѣсколько танцевъ сыграно музыкою для удовольстія гостей.—

При входѣ къ гостямъ Секр. Юхимовскаго, съ молодою его женою.—

ХОРЪ *Канцелярскихъ, съ музыкою, запѣли:*

Мы тебе любимъ сердечно,
Будь намъ Начальникомъ вѣчно!
Наши зажены сердца,
Мы тебе любимъ отца!—
(Повтореніе.)

Музыка въ той же версификаціи звуковъ стала продолжать полинезъ; а новобрачные Юхимовскіе, впаръ подъ руку пошли по залу маршемъ. (Самъ Юхимовскій въ востор-гѣ, а Вѣра примѣтно съ грустью.) За ними (гусемъ) Колленъ съ Варварою, Штабель съ Тупталовой, Шнапишинская съ Петавскою и еще нѣкоторыя партіи. —

Послѣ этого, гостямъ на отдыхѣ, подносили разные напитки. —

Между тѣмъ, молодежъ: Агата съ Ленаріемъ и Юзефина съ Людвигомъ, плясали подъ музыку Украинскій козачекъ. — Потомъ, — Жанета съ Казимиромъ, Доротеа съ Ясемъ, Тереза съ Бонефаціемъ и Людвига съ Виценті емъ, танцевали краковьякъ.—

За тѣмъ, когда музыка умолкла и гости перестали танцевать,—

ХОРЪ. *Канцелярскихъ запѣлъ:*

Не въ трубу я бачь трубила,
Коли съ милымъ говорила:
Ужъ ты милый, чернобровый,
Лицемъ бѣлый, черноокій;
Не садися ты пиля мене;
Скажуть люди: люблю тебе!

Ужъ я роду не простаго,
Дворянскаго, Княжескаго!
Самъ Княжій сынъ въ гусли граетъ:
Меня молодую поздравляетъ!—

Послѣ пѣсни Канцелярскихъ, пожилые паны, составивъ партію, танцевали подъ музыку — матредуру: Колленъ съ Тупталовой, Штабель съ Шпапшинскою, Тшемавскій съ Пєтавскою и Бычинскій съ своею женою.—

(Въ продолженіи всего этого, пирующихъ на свадьбѣ вдоволь угощали.—)

Потомъ молодежъ танцевали мазурку.—

Новобрачные и гости стали попарно въ комнатахъ прохаживаться; а канцелярскіе пѣли пѣсню

ХОРОМЪ.

Сонце низенько, вечеръ близенько:
Выйди до мене, мое серденько!

Ой выйди, выйди, да не барися:
Мое серденько развеселится.

Ой тамъ крыниця подъ перелазомъ:
Выйдемо, серденько, обое разомъ.

Ой бѣда, бѣда, що я не вдався:
Бѣгъ черезъ рѣченьку, да не вмывався.

Ой завернуся, да й умыюся,
На свою милую хочь подивлюся.

Ой не вертайся, да й не вмывайся:
Тыжъ минѣ серденько й такъ сподобався!-

(Въ проминажъ этотъ, когда пѣли Канцелярскіе, а свадебныя прохаживались, многіе изъ гостей куртизанили между собою.—)

Свахи: Петавская и Шпапшинская, а съ ними и посаженые молодаго: Левонтій и Люцила Юхимовскіе, отправились въ домъ Секретаря Юхимовскаго, для приготовленія къ принятію новобрачныхъ.—

А на свадебномъ балу шумъ и веселье гостей продолжались.

Изъ молодежи: Агата съ Ленаріемъ и Жанета съ Казимиромъ, танцевали подъ музыку Уланскій козачекъ, попеременно съ другими двумья парами: Юзефиной съ Людвигомъ и Доротеей съ Ясемъ. — Подъ кадансъ имъ Канцелярскіе ХОРОМЪ пѣли:

Въ Бердичевѣ, славномъ мѣстѣ,
Звербовали хлопцовъ двѣстѣ.

А чѣмъ-же ихъ вербовали?
Злотыхъ грошей даровали.

(Продолженіе каданса одной музыкой.)

Пристань, Юрку, до вербунку,
Будешь ѣсти зъ масломъ курку,
Будешь ѣсти, будешь пити,
Будешь якъ панокъ ходити.

(Тоже одна музыка.)

Забудь тата, забудь маму,
А самъ пристань до Уланувъ;
А въ Уланахъ даютъ гроши,
Будешь богатый, хорошій!

(Тоже.)

А зводколь вы? — Могиляне:
А чія ты? — Ковалева.
Ой я дѣвка межъ дѣвками,
Черевички съ подковками!

(Тоже музыка.)

Въ это время возвратились свахи и доложили Тупталовой, что все готово къ принятію новобрачныхъ.

Стали подносить молодымъ и гостямъ вино на прощанье; а музыка заиграла подъ пѣсню КАНЦЕЛЯРСКИХЪ:

Ой бѣда, ой бѣда моя немаленькая!
Да що зъ вечера була дѣвицей;
А изъ повночи да и молодицей;
А къ бѣлу свѣту хозяйкой!

(Припѣвъ.) Ай жги, жги,
Говори:
Рукавички барановыя,
А чоботки да сапяновыя!

Тамъ по улицѣ молодецъ ишовъ;
Тамъ по широкой — удачливый!

(припѣвъ.)

На молодцѣ да богатый каптанъ;
Самъ молодецъ изъ Пановъ—Панъ!

(припѣвъ.)

Въ проложенiи пѣсни, когда паньи танцевали подъ музыку, панночки и паничи прощались съ Вѣрою и Юхимовскимъ.—

Наконецъ музыка заиграла маршъ, и новобрачные, въ провожанiи Коллена и свахъ, от-

правились спать въ домѣ Секретаря Юхимовскаго. Ихъ провожали и многіе изъ гостей съ музыкою. Тупталоважъ съ Штабелемъ, выпроводивъ всѣхъ изъ дому своего, воротилась назадъ; и въ ожиданіи музыки съ провожатыми, распоряжалась къ пирушкѣ шляхты на цѣлую ночь.—

ФАКТЪ 4.

На другой день, утромъ, послѣ бывшаго свадебнаго бала у Гликеріи Абросимовны Тупталовой, собирались въ домъ къ Рахлію Даниловичу Юхимовскому съ поздравленіемъ гости:—Шляхта и Члены Городовой Ратуши съ Канцелярскими. По физіономіи гостей замѣтно было, что едвали они не пировали цѣлую ночь и не успѣли еще вытрезвиться. Исключая Левонтія и Люциллы Юхимовскихъ, которые, какъ видно изъ предыдущаго факта, по обязанности посаженныхъ — отца и матери молодаго, ушли отъ гостей прежде, для распоряженія по хозяйству новобрачныхъ. Молодежи — Паничевъ и Паннъ не было тутъ. Гости привели съ собою также и музыку для веселья.—

ЯВЛЕНІЕ 1.

(Покои Секретаря Юхимовскаго заключались въ большой горницѣ, или свѣтлицѣ и малинькой комнаткѣ, или спалинькѣ, кромѣ кухни черезъ сѣни, съ комнаткоюжъ и коморою. Просто домъ былъ по расчетливости хозяина.)

Входятъ въ горницу пани Люцилла Юхимовская и служанка Секретаря Марина.

ЮХИМОВСКАЯ.

Я тобѣ кажу Марино, що пора будить молодыхъ и убирать въ покояхъ. А то гости скоро будуть

МАРИНА.

Я бъ давно уже убрала, такъ щобъ Панъ не гнѣвився? . . . . —

ЮХИМОВСКАЯ.

Не бойся! Поди оконныци открый! Да зови пана Левонтія! А я тобѣ пособлю. . . —

МАРИНА.

Добре! Тольки щобъ не було чего? . . .

Уходитъ.

Служанка открыла ставни, а пани

ЮХИМОВСКАЯ, *оставшись одна, нѣсколько разъ пыталась взойти въ спальню къ молодымъ,—но внутреннее чувство чего-то, останавливало ее. Рѣшилась — и взошла. Чрезъ нѣсколько минутъ выбѣжала изъ спальни съ радостію и всплеснула руками:—*

А цо старый чортъ! . . . Гдзѣ твои дзятки — поживанци добра? . . . . . — Гдзѣ уни? . . . — А! пани Тупталова? . . . . . . *(Расхаживаетъ по комнатѣ.)* — Мае поживу! . . . Ха—ха—ха! . . . *(Стала убирать.)* Чу, идзе и муй глупій Левонъ?

(Стала убирать въ комнатѣ.)

Входятъ Левонтій Юхимовскій и служанка Секретаря Марина.—

ЛЕВ. ЮХИМОВСКІЙ.

Цо наши млоди?

ЮХИМОВСКАЯ. *(Унимая его:)*

Ци —, глупій! Ни машъ деликатности. . . . . —

МАРИНА.

Хиба Паны й доси не встали? — Диковинка!

ЮХИМОВСКАЯ.

Заспались посля вечеринки! . . *(Къ мужу.)* Проша пане Левоне на моментъ! — Съ тобо потшебне погадацъ. . . . *Уводитъ мужа своего изъ комнаты: — а Марина осталась въ комнатѣ убирать.—*

ЯВЛЕНІЕ 2.

Спустя около получаса, на дворѣ послышалась музыка и говоръ идущихъ гостей. Напослѣдокъ являются и гости на лице съ музыкою. Впереди всѣхъ — Метръ Колленъ со свахами — Петавскою и Шнапшинскою; за ними Тупталова подъ руку съ Штабелемъ, а тамъ — Бычинскій съ женою, Свинцицкій съ женою, Тшемавскій и Левицкій съ женою. Ихъ встрѣтили съ приглашеніемъ Левонтій и Люцила Юхимовскіе.—

Канцелярскіе и музыка заключали походъ гуляющихъ пановъ.—

КОЛЛЕНЪ.

А шо наши млоды?

МАРИНА.

Ище Паны не вставали.

ТУПТАЛОВА.

Што они такъ заспались?

ПЕТАВСКАЯ и ШНАПШИНСКАЯ.

Амурна коммисія. Тенькна гозина.

Говоръ и шумъ прочихъ гостей.

КОЛЛЕНЪ.

Цисъ— ! Ваша паньи Петавская, панья Шнапшинская, пуйте до млодихъ; а наши съ спѣваками и музыкой сюпризъ стеланимъ. Эй — люпимъ сертечно—! Fortissime!

ПРОЧІЕ.

Да, да! — Ладне! Ладне! — Слушаемъ.—

Свахи съ осторожностію отправились въ спальню къ молодымъ. Колленъ махнулъ рукою, и ХОРЪ Канцелярскихъ съ музыкою запѣли:

Мы тебе любимъ сердечно,
Будь намъ Начальникомъ вѣчно:
Наши зазженны сердца,
Мы тебе любимъ отца!

(Повтореніе послѣдняго стиха съ хлопаніемъ.)

Вдругъ выбѣгаютъ изъ спальни съ безпокойствомъ Петавская и Шнапшинская.

ПЕТАВСКАЯ *(Унимая пѣвцевъ и музыку.)*

Цисъ! Цисъ! За Докторомъ скорѣе!

ШНАПШИНСКАЯ.

Несченстье! Умярли!

КОЛЛЕНЪ.

Шо таке?

ПЕТАВСКАЯ

За Докторомъ . . . . .

8.

ТУПТАЛОВА. *(Съ удивленіемъ.)*

Што? — Какъ? — *Бросилась въ спальню съ нѣкоторыми паньями.*—

Шумъ и суматоха гостей, въ коихъ слышно было только:

За докторомъ! За докторомъ! Цо таке сробилесь? — Велькe несченстье! — Да якъ-то такъ? — И сами ни знаемъ! —

ШВАБРЕНКО. *(Уходя.)*

Питюлька и Балабашъ за Гродкомъ, а я съ Цюцюрою за Часновскимъ!

Музыка вышла въ сѣни. Колленъ отправился съ Юхимовскими въ спальню за прочими. А здѣсь въ большой комнатѣ остались шляхта-Паны. Въ суматохѣ, бѣготнѣ сюда и туда, ничего не возможно было опредѣлительнаго вывесть изъ разговоровъ испуганныхъ гостей. Страхъ отъ нечаяннаго случая помѣшалъ ихъ.—

Такая суматоха продолжалась около часу; покудова кое-какъ многіе успокоились.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Въ эту пору приходятъ Городовой Ратуши Члены: Бургомистръ - Мьямленко, Ратмана-Мякишъ и Мошко жидъ и Дума Маракуенко, съ поздравленіемъ къ Секретарю и съ гостинцами, кто что изъ нихъ могъ.—

МЬЯМЛЕНКО.

Добраго здоровья Панове! *(Здоровается съ шляхтою, а за нимъ и прочіе члены.)* — Що тутъ у васъ сробилось?

ТШИМАВСКІЙ.

Богъ его знае! И сами ни знамъ за що тшиматься. —

МОШКО.

А гдзѣзъ Панъ Секретарь?

БЫЧИНСКІЙ.

Мм—мяртвый въ постелю.—

ЧЛЕНЫ.

Що такое? — Чисправдѣ! — Якъ же такъ! — Що теперь? . . — Ай, вій, вій!—

МЬЯМЛЕНКО.

Дежъ нашъ Повитчикъ?

СВИНЦИЦКІЙ.

Св—за докторомъ пушедъ.

МАРАКУЕНКО.

Що теперь пане Бургомистре въ Ратуши робыть?

МЬЯМЛЕНКО. *(Почесывая затылокъ.)*

Я й самъ не знаю. . . . —

МЯКИШЪ.

Съ Федоромъ Якимовичемъ я одного мнѣнія. —

МОШКО.

Азезъ пахъ и я такъ. . . . —

ЛЕВИЦКІЙ.

На вѣки вѣкомъ! —

БЫЧИНСКІЙ.

Мм—мы цо? . . . . —

ТШИМАВСКІЙ.

Тт—тшиматься до контъ. . . .

СВИНЦИЦКІЙ.

Св— свидѣтелями? — Бронь Боже! —

МОШКО.

Гирсте! Сцозъ пакъ намъ съ гостинцамизъ? . . . —

МАРАКУЕНКО.

По моему маракуванью, молоденькой Секретаршѣ отдать!

ШТАБЕЛЬ. *(Выходя изъ спальни.)*

И—и—и пани Секре—тарьша умярла! —

ЧЛЕНЫ.

Ахъ, Боже нашъ, якая бѣда!

ШЛЯХТА.

Пане Боже, змилуйся! . . . —

МЬЯМЛЕНКО. *(Обращаясь къ оставшимся Канцелярскимъ:)*

Щожъ вы ничого? . . . . . — На бѣду и Швабренка нема. . . . —

КОЛЛЕНЪ. *(Вышедши изъ спальни.)*

Шожъ докторъ? О нешеньстье! — *(Обращаясь къ Бургомистру.)* Пошлите ише за докторомъ! . . . — Infelicem nostrum! . . . —

МЬЯМЛЕНКО.

Шманай, Папуша, скорѣйше!

(Шманай и Папуша пьяные ворочаясь подлѣ стѣны мурличутъ.)

Э—-эхъ, нема Швабренка!

МАРАКУЕНКО.

Бѣда безъ хозяина! . . . . —

ЯВЛЕНІЕ 4.

Приходъ Швабренка съ Докторомъ Часновскимъ. А за ними возвращаются и прочіе Канцелярскіе.

КОЛЛЕНЪ.

Rogamus domine Doctor!—

Провожаетъ доктора въ спальню.

ШВАБРЕНКО. *(Кланяясь съ Членами и утирая платкомъ потъ съ лица.)*

Всилу найшли докторя — Федоръ Якимовичь!

МЬЯМЛЕНКО.

Що теперь будемо робить? —

МЯКИШЪ.

Я такихъ же мыслей. —

МАРАКУЕНКО.

Що то буде въ Ратушѣ?

ШВАБРЕНКО.

Ничого! — Чепуха! — И мы що не будь знаемъ, по милости Рахлія Даниловича! —

МОШКО.

Азезъ пакъ такъ! . . . —

МАРАКУЕНКО.

Не мѣшалобъ Невельского? . . . —

ШВАБРЕНКО.

И безъ Невельского обійдемся! —

МЬЯМЛЕНКО.

Я знаю васъ Денисъ Дементіевичъ!

МЯКИШЪ.

Эге, и у мене таки мысли.

МОШКО.

Гирсте! . . . . . —

МАРАКУЕНКО.

А все таки? . . . . . —

ШВАБРЕНКО.

Пустяки! — Все для насъ Чур–чепуха! —

ШТАБЕЛЬ. *(Прислушавшись.)*

И—и—и—цо наше дѣло о коровѣ?

БЫЧИНСКІЕ:

Мм—моспане, здаесе мы по контентовались! . . . . —

ШВАБРЕНКО.

Отъ, що по бумагамъ Рахлія Даниловича окажется? — Мы не откажемся отъ законнаго производства и теченія. . . . . —

ТШИМАВСКІЙ.

Такъ есть, цо окажется. —

СВИНЦИЦКІЙ.

Св—свинка моя, цо подаровалъ? . . .

ЛЕВИЦКІЙ.

На вѣку пшепадла коза муя. . . . . . .

БЫЧИНСКІЙ.

Мм—мосципанове! Зачекайте! Мм. . . —

ШТАБЕЛЬ.

И—и—еще жинцъ беде панъ Секретаржъ?

ТШИМАВСКIЙ.

На пшикладъ трошечки потшиматься. —

Въ это время послышался плачъ и визкъ женскiй изъ спальни. Шляхта и члены Ратуши бросились къ дверямъ спальни.

Въ шумѣ и воплѣ отзывался отголосокъ:

Apoplexia! — Апоплексiя! Она жива! — Онъ умеръ! —

Между тѣмъ, какъ замѣтно было изъ говора, что молодую Секретаршу Вѣру Петровну привели въ чувство; а надъ Секретаремъ Рахлiемъ Даниловичемъ ни какiя докторскiя средства не подѣйствовали.—

Докторъ съ Колленомъ вышли изъ спальни. А за ними и многiе изъ гостей отошли отъ дверей спальни. Женщины остались въ спальнѣ: одѣть молодую и убрать тѣло умершаго Секретаря. —

Въ большой горницѣ гости обступили Доктора съ Колленомъ.

КОЛЛЕНЪ.

Quid est causa?

ДОКТОРЪ.

Magnum voluptatem! . . . . —

(Вынулъ табакерку, посчелкалъ пальцами по табакеркѣ, открылъ ее съ растоновкою, понюхалъ табаку и попотчивалъ Коллена.)

Въ его годы — не потшебнебъ жениться. . . . — Теразъ апоплексія! — До забаченья Панове! — *Уходитъ.*

ГОСТИ. *(Съ удивленіемъ.)*

Апоплексія! Апоплексія! —

БЫЧИНСКІЙ.

Мм—Патшай пане Теобальде! Мм—беде съ тобо апоплексія, кеди замышляшъ жениться. —

(Нѣкоторые изъ гостей засмѣялись.)

ЛЕВ. ЮХИМОВСКІЙ.

А панъ Метръ тего не боися?

(Пуще засмѣялись гости.)

ШТАБЕЛЬ. *(Въ сердцахъ.)*

И—и—и протестуе Панове! И—за обиду шляхтича контентовацъ! . . . . —

КОЛЛЕНЪ.

Omnia honorem suum debeant. Такъ пане Штабель, нѣхай панофе Бычинскій и Юхимовскій проше прошенія!

БЫЧИНСКІЙ.

Цо?За яке крывде ? — За шутку — не беде того. . . . —

ШТАБЕЛЬ.

И—и—и патшайте Панове!

ТШИМАВСКІЙ. *(Унимая.)*

Тшимайтесь! Тшимайтесь! Але то панъ Бычинскій въ шутку мувилъ.

КОЛЛЕНЪ.

Шо за шутки , кети и панъ Фозный глумише! . . . Шо я мушикъ, шо ли? —

ШТАБЕЛЬ.

И—и—и я не шляхтичъ?

БЫЧИНСКІЙ.

М—Велькe шляхетство! . . . . —

СВИНЦИЦКІЙ.

Св—свише мего не беде. Я отъ тенъ Свинцицкихъ, ктуры при Круляхъ жили.

ЛЕВИЦКІЙ.

На вѣки вѣкомъ — и муй родъ. . . . —

ТШИМАВСКІЙ.

Зачекайте—но Панове! Мое дѣло тшимавское. . . . — Проша Панство! У насъ тутай естъ Члены Ратуши; потшиматься, уни поконтентуютъ? —

ЯВЛЕНІЕ 5.

Въ это время изъ спальни вышли Тупталова, молодая Секретарша Вѣра, блѣдная и слабая, подъ руку съ Петавскою и Шнапшинскою. —

Гости кланяются молодой; а члены съ поклонамижъ поднесли ей гостинцы. —

ТУПТАЛОВА. *(Принимая гостинцы вмѣсто молодой.)*

Покорно Васъ благодарствую. — Пристав-

те себѣ Панове! — Люцила Юхимовская распоряжается, какъ у себе дома! —

Между тѣмъ входятъ: Люц. Юхимовская, Бычинская и Левицкая. —

Я хозяйка, — и моимь домомъ распоряжаться! . . . —

ЛЮЦ. ЮХИМОВСКАЯ.

Якъ же не такъ! Здается, покойникъ намъ бувъ братъ? Онъ обѣщавъ своимъ хрестникамъ, а нашимъ дѣткамъ наслѣдство! Правда Левотій? — Щожъ ты мовчишъ? . . . —

ЛЕВ. ЮХИМОВСКІЙ.

Правда, правда! И панъ Бычинскій, и панъ Свинцицкій зна?

БЫЧИН. и СВИНЦИЦ.

Мм—мы въ св—свядости!

ТУПТАЛОВА.

Толкуйте вы! Может тому назадъ нѣсколько годовъ. . . . А теперь, у покойника есть жена; а по женѣ его, я хозяйка! Знать ни кого не хочу!

ЛЮЦ. ЮХИМОВСКАЯ.

Хтожъ вамъ пани Тупталова право давъ?

ЛЕВ. ЮХИМОВСКІЙ.

А маете вы акты? — Я сдается Возный, про то знавъ бы! Такъ Панове? —

БЫЧИН. СВИНЦИЦ. и ТШИМАВ.

Такъ естъ! Якъ Суидъ присудить?

ШТАБЕЛЬ.

И—и—и цо вы за Сондки?

КОЛЛЕНЪ.

Моя пылемъ amicus Секретарю.... Моя найте пумаги!..... А тепериша, у нашъ тутай est шлены Ратуши?

ТШИМАВСКІЙ.

Тшиматься членовъ Ратуши.

ЛЕВИЦКІЙ.

На вѣки вѣкомъ.

МЬЯМЛЕНКО.

О—охъ! Умеръ нашъ Секретарь! Денисъ Дементіевичъ, здѣлайте опредѣленіе! — Такъ резолюцію. . . . —

(Показывая руками пантоминно.)

ШВАБРЕНКО. *(Прокашлялся и подошелъ къ панамъ.)*

Кахи — Позвольтеся Панове! Присутствующіе Ратуши опредѣлили: тяжущимся объявить, поелику искъ ихъ обоюдоравнествующій и понеже у насъ въ городѣ не имѣется въ наличности ни Квартальнаго ни Секретаря, а присутственныя мѣста въ уѣздномъ городѣ оказываются, *(кашляетъ.)* гдѣ предсѣдательствуютъ вышнее начальство и бдятъ неукоснительно законы; *(опять кашляетъ.)* то дабы тяжущіися въ вышереченномъ искѣ получили должное удовлетвореніе, благоволятъ оныя явиться въ городовую Ратушу, для принесенія жалобъ законнымъ образомъ, яко подобаетъ въ опредѣленное на то закономъ присутственное время. . . . . *(Кашляетъ и приготовляется продолжать.)*

МАРАКУЕНКО. *(Останавливая.)*

Та будетъ тобѣ Денисъ Дементіевичъ!

МЬЯМЛЕНКО.

Настоящій Рахлій Даниловичъ? Якъ бы радъ былъ винъ? . . . —

МЯКИШЪ.

Одного мнѣнія съ вами Федоръ Якимовичъ.

МОШКО.

Гирсте, такзе пакъ. . . . —

ШЛЯХТА.

Докринарія пана Секретаржа!—

МАРАКУЕНКО.

По моему марокованью, такъ панѣ Секретарьшѣ буты господиней въ хозяйствѣ покойника Рахлія Даниловича? —

МЬЯМЛЕНКО.

Эге, тако подобаетъ законной женѣ! . . . Бо—то. . . . . —

НѢКОТОР. ИЗЪ ГОСТЕЙ.

Такъ, такъ, такъ!

ТУПТАЛОВА.

Ну, што? . . . моя правда? . . .

ЛЮЦ. ЮХИМОВСКАЯ.

Ище якъ въ Судѣ присудятъ! . . .

ВѢРА.

Я маминька не хочу быть тутъ въ домѣ!... Мнѣ страшно. . . . — *(Стала плакать.)*

ТУПТАЛОВА.

Што ты малинькая — што ли? —

КОЛЛЕНЪ.

Моя по трушпѣ къ пану Юхимовскому хошяинъ педе! *(Распоряжаясь.)* Проша Панове! Проша сатится! — *(Къ служанкѣ Рахлія Даниловича.)* Эй Марина, потай фотки и закуски! Помянемъ папофе покойника, мафо труха! —

Марина подала на столъ водку и закуску.

Гости между собою разговаривали — и забылись о странномъ этомъ произшествіи.—

(Колленъ, выпивши рюмку и закусывая, приглашалъ прочихъ.)

Проша Паноѳе водки!
Omnia mortui sunt! —

ШЛЯХТА.

Вшисьцѣ умремъ! —

(Начали пить и закусывать.)

(Также паньи — и члены Ратуши.)

МЬЯМЛЕНКО.

Днiе наши, аки цвѣтъ сельный! . . . .

КОЛЛЕНЪ.

Эй мушика, заграцъ печальный маршъ!

Музыканты, находившіеся въ продолженіи всего факта въ сѣняхъ, заиграли по приказанію Коллена печальный маршъ. — Многіе изъ гостей заплакали, вспоминая Рахлія Даниловича Юхимовскаго; а особливо паньи въ этомъ дали себя знать.—

При звукѣ музыки, въ воплѣ и говорѣ гостей слышно было:

ТУПТАЛОВА.

Ктожъ меня будетъ въ сиротствѣ почитать и надѣлять подарками? . . . . —

ЛЮЦ. и ЛЕВОН. ЮХИМОВСКІЕ.

У когожъ наши дятки будуть медъ ѣсти?... Не буду больше Вознымъ! . . . . —

КОЛЛЕНЪ.

Съ хѣмъ по Лацини муфицъ. . . . И фристикать? . . . —

ШЛЯХТА.

Але — то хто наши позвы и справы беде контентовацъ? . . . . . —

ПАНЬИ.

Хтожъ беде намъ комплименты мувицъ?...—

ЧЛЕНЫ. *(И особенно Мьямлинко.)*

О—охъ! хто-то буде Секретаремъ въ Ратуши? . . . . —

ШВАБРЕНКО, *Съ Канцелярскими.*

Не будемъ больше мать такого отца — Начальника! —

МАРИНА. *(У дверей спальни стоя.)*

Не нажиты минѣ больше такого Пана!...—

Много было вопито въ панегирикѣ покойнику Секретарю Юхимовскому.—

Музыка умолкла. —

ХОРЪ *Канцелярскихъ запѣлъ въ свою очередь:*

« Вѣчная память! — »

Послѣ всего этого, гости стали собираться по домамъ.

КОЛЛЕНЪ.

На дорошку фодки Панофе!

НѢКОТОРЫЕ.

Дзѣнькуе пану Метру.

ВѢРА.

Я съ Вами уйду маминька!

ТУПТАЛОВА. *(Съ неудовольствіемъ.)*

Какъ хочешъ? . . . . — Прощайте Францъ Викентіевичъ? Распоряжайтесь же тутъ, штобъ все було цѣло. . . — *Уходитъ.*

А за нею слѣдуютъ Вѣра съ Петавскою и Шнапшинскою. Штабель ушелъ съ ними въ провожатыхъ.

КОЛЛЕНЪ.

Проша Панофе на покороны!

НѢКОТОРЫЕ.

Будемъ, будемъ!

Прочіе гости шляхта, выпивши на дорожку, уходили изъ дому Секретаря, прощаясь съ Колленомъ.

До забоченья пане Метръ!

ЛЮЦ. ЮХИМОВСКАЯ. *(Къ мужу.)*

Намъ старый нѣчого робить? . . . . —

ЛЕВОН. ЮХИМОВСКІЙ.

Здаесѣ такъ! . . . *Уходятъ съ неудовольствіемъ.*—

Послѣ всѣхъ ихъ члены ратуши простились съ Колленомъ.

Прощайте пане Шпектору! —

КОЛЛЕНЪ. *(Провожая ихъ.)*

Прощайте, прощайте! — *(Потомъ садится возлѣ водки и закуски: — пьетъ и потчиваетъ Канцелярскихъ и музыкантовъ.)*

Эй спѣфаки! Мушика! —
Bibe, lude! post mortem nulla voluptas! —

Канцелярскіе запѣли: вѣчная память; а музыка заиграла троурный маршъ. —

АПОСТИЛЬ.

Спустя нѣсколько дней послѣ смерти Секретаря Рахлія Даниловича Юхимовскаго, присутствовали въ городовой Ратушѣ члены: Бургомистръ Федоръ Якимовичъ Мьямленко, Ратманы — Мина Васильевичъ Мякишъ и жидъ Мошко. Былъ также здѣсь и городовой Дума Дементій Кузьмичъ Маракуенко. Денисъ Дементіевичъ Швабренко, повитчикъ Ратуши, правилъ должность Секретаря. По канцеляріижъ занимались: Протоколистъ и Архиваріусъ Евтихій Папиличъ Папуша, вмѣсто Швабренка Повитчикомъ Дементій Прокофьичъ Шманай, регистратурою Кузьма Питюлька и такъ далѣе на перепискѣ — Гаврила Балабашъ, Ѳедоръ Цюцюра и Василій Секстернскій. —

Александръ Ивановичъ Невельскій, хотя и былъ Письмоводителемъ Квартальнаго, но такъ какъ въ городѣ не было еще на лице его и должность эта находилась въ вѣденіи ратуши; то Невельскому ничего и не поручалось, и

онѣ отъ бездѣлья прихаживалъ въ Ратушу, что бы убить какъ не будь время.—Точь въ точь обстоятельства Невельскаго были таковы, какъ увольняющагося изъ какого либо присутственнаго мѣста Канцелярскаго чиновника. —

Разные просители и челобитчики изъ мѣщанъ толпились въ канцелярской Ратуши. Нѣкоторые изъ нихъ подходили къ канцелярскимъ, въ комъ надобность была, просили объ дѣлѣ и ублажали какою либо подачкою, чаще всего обращались съ этимъ къ Швабренку. — Стороной же замѣтно было, что многіе изъ челобитчиковъ приносили штофчики съ виномъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ былъ Архивъ — и куда, какъ будьто для справокъ, отлучались Швабренко и прочіе Канцелярскіе по одиначкѣ, возвращаясь оттуда съ разскраснѣвшимися лицами.

Время было уже около двѣнадцати часовъ дня. — Лицевая сторона дѣйствія, представлялась Канцелярская комната. —

Вотъ горьбою, къ числу прочихъ просите—

лей, ввалили въ канцелярскую Ратуши паны-шляхта: Колленъ, Штабель, Бычинскій, Свиницкій, Тшимавскій, Левицкій и Левонтій Юхимовскій. Всѣ они съ просьбами въ рукахъ. — А между тѣмъ, вышли изъ присутствія и члены Ратуши, для пріема отъ челобитчиковъ просьбъ.—

МЬЯМЛЕНКО. *(Увидѣвши множество просителей съ просьбами — удивился.)*

Охъ, Ты Господи милосердный! — *(Перекрестясь.)* Що мы будемо дѣлаты съ сими бумагами? — Бѣда, дай—только Бургомистромъ буть! . . . . —

МАРАКУЕНКО.

Да вы — Федоръ Якимовичъ, поручите Швабренку принимать просьбы. —

МЯКИШЪ.

Чы хибажъ все цее къ намъ въ Ратушу?-

МОШКО.

Помянесъ зе и пана Юхимовскагозъ!.....—

МЬЯМЛЕНКО.

То-то й дѣло! . . . — *(Панамъ и проси-*

телямъ.) Добраго здоровья Панство! — Вы все́ таки не забулы свого? . . . . —

ШЛЯХТА. *(Въ одинъ голосъ:)*

То кольвекъ забуде кривду. — И—и—хиба корова ни чого не стоитъ? — А свиня?— А коза? — А наслѣдство не въ тенъ руки? —

КОЛЛЕНЪ.

Моя афекунъ, зашишать juventutum viduum debeamus. —

МЬЯМЛЕНКО.

Охъ, Боже нашъ! Що мы будемъ робить?-

МЯКИШЪ.

Одной мысли съ вами Федоръ Якимовичъ?-

ШВАБРЕНКО.

Ни чого, не беспокойтеся! Федоръ Якимовичъ! Мина Васильевичъ! — Це все пустяки — «Чуръ-Чепуха!—»

МЬЯМЛЕНКО.

Толкуй! Добре тобе росказовать! А якъ-то на дѣлѣ прійдется? . . . . —

Въ это время зазвонили на приходской колокольнѣ по умершемъ. Члены и нѣкоторые мѣщане перекрестились. —

Хтобъ це умеръ? —

МАРАКУЕНКО.

Гей Брюква, або Гарбузъ, сбѣгайте узнать до дьяка, хто умеръ?

БРЮКВА. *(Выглянувши изъ сѣней.)*

Що такое?

МАРАКУЕНКО.

Хто умеръ?

БРЮКВА. *(Уставившись въ дверяхъ.)*

Кажуть: Пархомъ Скоропадько. —

МЬЯМЛЕНКО.

Царство небесное ему!

МЯКИШЪ.

Якій то баштанъ у него бувъ! . . . —

ШТАБЕЛЬ.

И—и—и цозъ просьбу?

ПРОЧІЕ ШЛЯХТА.

Комужъ подавацъ?

КОЛЛЕНЪ.

Мой за млоте Секретаршу. . . .

МАРАКУЕНКО.

Отъ що, Федоръ Якимовичъ! Луче всего спроситьця Олександру Ивановича?

ШВАБРЕНКО.

Та я кажу, що обійдемся и сами. —

МЬЯМЛЕНКО.

Ни, ни! Боюся, що въ проруху попадешь! — *(Обращаясь къ Невельскому.)*

Олександра Ивановичъ! Якъ буты намъ въ сихъ дѣлахъ?

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Мнѣ кажется, что шляхта не подлежитъ суду Ратуши. —

ШВАБРЕНКО.

Знаешь! А якъ же теперь Ратуша править должность Квартальнаго; такъ що? . . . —

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Какъ хочете. . . . . —

ШВАБРЕНКО.

Я кажу вамъ Федоръ Якимовичъ, що всѣ дѣла на свѣтѣ, намъ — «Чуръ-Чепуха!—»

МОШКО.

Гирсте! Якъ Цепуха, то нехай пакъ и будезъ такъ? —

МЬЯМЛЕНКО.

Ну, отбирайте Денисъ Дементіевичъ просьбы! —

Швабренко сталъ отбирать у просителей просьбы съ важностью. — А между тѣмъ на базарѣ послышалась жидовская музыка. Всѣ почти бросились къ окошкамъ глазѣть, какъ жидовская свадьба пройдетъ мимо Ратуши съ музыкою. —

МЬЯМЛЕНКО.

Господи, Ты Боже нашъ, чого на свѣтѣ не бува? . . . . . —

МАРАКУЕНКО.

А онъ, глядите, Гликерія Абросимовна иде. Либонь до насъ въ Ратушу? . . . . —

МЬЯМЛЕНКО.

Не приведи Боже, больше хлопотъ! . . —

МОШКО.

А сцозъ пакъ тамъ на улицѣ за брицки? . . . . . — И звоникъ зе: тень—тень—тень? . . . . —

МЯКИШЪ.

Эге, эге!

Всѣ пристально всматриваются. —

МАРАКУЕНКО.

Жидовская свадьба мѣшаетъ! —

МЬЯМЛЕНКО.

О ну іи къ нечистому! —

Въ продолженіи всего этого, Швабренко отбиралъ просьбы и толковалъ по тихоньку съ просителями, отводя почти каждаго въ сторону. Ему пособляли въ этомъ Шманай и Папуша. — Прочіежъ, какъ изъ просителей, такъ и изъ Канцелярскихъ, то глазѣли въ окошко, то разговаривали между собою. —

Жидовская свадьба съ музыкою уже мимо

Ратуши прошла, и шумъ ее въ отдаленности терялся. —

. . . .

А звукъ почтовыхъ колокольчиковъ въ самомъ дѣлѣ оказался внятнѣе. —

МОШКО.

Гирсте, такъ зе пакъ и есть, сцо до мене въ господу, на Заседательску хвартирузъ поворацивають. —

МАРАКУЕНКО.

Правда твоя пане Рахману! — *(Бѣжитъ къ сѣнямъ.)* Скорѣйше десятники — Засѣдатель пріѣхавъ!

МЬЯМЛЕНКО. *(Растерявшись.)*

Денисъ Дементіевичъ! Денисъ Дементіевичъ! — Засѣдатель! Засѣдатель!

ШВАБРЕНКО.

Де, де Федоръ Якимовичъ!

(Бросилъ просьбы отбирать. —)

Всѣ начали томошиться и суетиться.—

МОШКО. *(Уходя.)*

А зезъ мини пакъ треба-зъ встрѣтиты гостя? —

МАРАКУЕНКО. *(Возвращаясь.)*

Федоръ Якимовичъ, пославъ я десятниковъ. —

ТУПТАЛОВА. *(Входитъ.)*

А щто мое дѣло?

МЬЯМЛЕНКО.

Гликерія Абросимовна! Ей Богу, теперь не до дѣла! —

ТУПТАЛОВА.

Какъ? Какъ? Што эвто значитъ?—Францъ Викентіевичъ, вы што тутича? . . . . —

КОЛЛЕНЪ.

Ни шево! Все пайдетъ! . . . —

ЛЕВ. ЮХИМОВСКІЙ.

Цо вы пани Тупталова прентко хочете?...-

ТУПТАЛОВА.

Знаю я васъ всю шляхту! . . . —

ШЛЯХТА. *(Съ неудовольствіемъ.)*

По цозъ ни знать! — Былемъсе пани Хварталова! . . . . .

ЮХИМОВСКІЙ.

А теразъ Тупталова! . . . . —

МАРАКУЕНКО.

Годи вамъ Панове! — Начальство пріѣхало—можете жаловатьця Вышнимъ! —

ТУПТАЛОВА. *(Въ сердцахъ.)*

Ну, штожъ, и буду! . . . . —

МЬЯМЛЕНКО.

Господь съ вами!

МАРАКУЕНКО.

Оставьте ихъ Федоръ Якимовичъ. А жидъ скорѣйше и побѣжавъ . . . Пойдемъ въ присутствіе — да потолкуемъ! . . . —

Лишь только они хотѣли уйти въ присутствіе, какъ прибѣгаетъ запыхтѣвшись сторожъ Гарбузъ. —

МЬЯМЛЕНКО.

Що скажешь?

ГАРБУЗЪ.

Пріѣхали: Копитанъ—Справникъ, Насѣдатель и новый Квартальный. —

ЧЛЕНЫ и ПРОЧІЕ. *(Пришли въ ужасъ. Нѣсколько минутъ молчаніе.)*

Що теперь? . . . —

ГАРБУЗЪ.

Требуютъ Невельского. —

ШВАБРЕНКО. *(Спохватившись—подбѣгаетъ съ униженностію къ Невельскому.)*

Александръ Ивановичъ! Васъ просятъ новое Начальство! — И . . . и . . . не помяните. . . . —

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Слышу, слышу!

Его обступаютъ члены и прочіе. —

МЬЯМЛЕНКО.

Олександръ Ивановичъ! Не поминайте насъ лихомъ!

ТУПТАЛОВА. *(Кланяясь.)*

Мое почтеніе Александръ Ивановичъ!

ШЛЯХТА. *(Тоже кланяются.)*

Пане Невельскій! Пане Невельскій!

НЕВЕЛЬСКІЙ. *(Усмѣхнувшись.)*

Хорошо! Хорошо! —

Уходитъ. —

За нимъ тоже многіе уходятъ.

Остались только члены Ратуши, канцелярскіе и нѣсколько просителей мѣщанъ. —

МАРАКУЕНКО.

А що Швабренку, чы Чуръ-Чепуха? —

ШВАБРЕНКО. *(Жалобно.)*

Богъ зна, объ чѣмъ вы Деменьтій Кузьмичъ толкуете! —

МЯКИШЪ.

Що теперь намъ робыть? —

МАРАКУЕНКО.

Убрать на чисто въ Ратуши и дожидатьця, що буде? — Або ити на поклонъ? . . . —

МЬЯМЛЕНКО.

Боже мой, Боже мой! — Бѣда кругомъ! — Бѣда Панство! . . . . —

Члены уходятъ въ присутствіе для совѣтовъ; а канцелярскіе съ Швабренкомъ стали приводить въ порядокъ свои бумаги. —

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

При догадливости нынѣшней Публики, мнѣ и не слѣдовалобы разъяснять дѣйствующихъ лицъ. Но чтожъ дѣлать, когда у меня такая привычка, что не люблю оставлять въ этой пачкѣ бумаги бѣловыхъ нѣсколько листовъ.—

Такъ и быть:

СЕКРЕТАРЬ ЮХИМОВСКІЙ, какъ его зналъ, былъ небольшаго росту старичекъ, съ горбомъ отъ преклонныхъ лѣтъ и сидячей жизни, съ большимъ краснымъ носомъ отъ употребленія нюхательнаго табаку, на головѣ не много сѣдыхъ волосъ; любилъ латынью хвастать при незнающихъ и комплементы дѣлать дамамъ; ходилъ же большею частію въ зеленомъ форменномъ сюртукѣ, старинной формы служащихъ, бѣломъ жилетѣ и платкѣ на шеѣ и желтыхъ нанковыхъ брюкахъ. Далѣе можете сами дорисовать портретъ его.—

МЕТРЪ КОЛЛЕНЪ, другъ Юхимовскаго, толстый и рослый мужчина, охотникъ поѣсть и попить, малозаботливый и весельчакъ, говорилъ исковерканнымъ языкомъ какъ многіе иностранцы на Руси, щеголялъ въ сѣромъ фракѣ и съ суковатою палкою, по латынѣ набрался бывши въ Базилянскомъ училищѣ французскаго языка учителемъ.—

ГЛИКЕРІЯ ТУПТАЛОВА, щеголиха и интересанка, въ домѣ своемъ злая женщина, толстая и дюжая панья, съ романическимъ обхожденіемъ.—

ВѢРА ГОРЕНКОВА, смирная и хорошенькая сиротка.

АЛЕКСАНДРЪ НЕВЕЛЬСКІЙ, молодой и неиспытанный малой, проказникъ — но неякшался съ канцелярскими ратуши, за что они его не любили.—

Эти три лица говорили по Русски, но съ Малороссійскимъ прононсомъ, а особливо Тупталова.—

ШВАБРЕНКО, низенькій и толстой мужчина, плутъ и взяточникъ и какъ говориться, охотникъ за галстукъ закладывать, а подъ часъ и за поемъ пить.—

Объ другихъ КАНЦЕЛЯРСКИХЪ РАТУШИ, предметы въ приказнической жизни по уѣзднымъ городкамъ можно видѣть.—

ПАНЫ — ШЛЯХТА ни чѣмъ не различаются отъ черни.

ШТАБЕЛЬ, заика и скупецъ.

БЫЧИНСКІЙ, при разговорѣ мичитъ.

СВИНЦИЦКІЙ, съ присвистомъ разговариваетъ.

ТШИМАВСКІЙ, уклончивый на всѣ стороны.

ЛЕВИЦКІЙ, кромѣ своей поговорки, какъ будто ничего неумѣетъ говорить.

Ихъ сожительницы, какъ обыкновенно шляхтянки въ Украйнѣ.

ЛЕВОНЪ ЮХИМОВСКІЙ, какъ говорятъ, не доставало чего-то въ головѣ и только по ходатайству брата назначенъ вознымъ въ шляхтѣ. Его жена ЛЮЦИЛА, держала мужа въ своихъ рукахъ и учила его житью.—

Про дѣтей шляхты сказать можно, что они не будучи воспитаны, часто разбойничали, или буянили надъ жидами, нечисты на руку были, чтобъ было чѣмъ угостить Паннъ на гулянкахъ. За ихъ шалости родители должны были поплачиваться съ Квартальнымъ, чтобъ не доводить до высшаго Начальства.—

Объ Членахъ Ратуши:

МЬЯМЛЕНКО, какъ самая фамилія его показываетъ, нерѣши-

тельный и трусъ, и только по достатку былъ избранъ въ Бургомистры.—

МЯКИШЪ, былъ ему подстать.

МАРАКУЕНКО побойчѣе ихъ былъ и плутоватъ. Къ нему подходитъ Ратманъ **МОШКО.**

Мѣщане въ городѣ, зажиточные и веселые люди, охотники съ базару досуги удѣлять въ жидовскихъ шинкахъ. Привольность мѣстности давали имъ на то средства.—

Прислуга Секретаря и Тупталовой, какъ бываетъ Малороссійская прислуга у Пановъ.—

Довольно. Прошу Гг. самихъ читателей копировать знакомыхъ мнѣ въ этой піесѣ лицъ.— Разборъ же самаго сочиненія, чего оно будетъ стоить, предоставляю тѣмъ Гг. Рецензистамъ, которые больше меня кой-чего знаютъ на бѣломъ свѣтѣ.—

